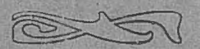
Война и еврейская проблема

Война и Еврейская Проблема.

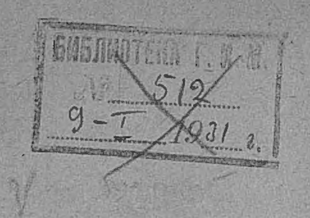
Статьи:

М. Нордау,
А. Гольдштейна,
Д. Пасманика,
Луи Д. Брандейса,
Л. Яффе,
И. Гринбаума,
М. Марголина.

Изд. Моск. Комитета Сіон. Народной Фракціи „Цеире—Ціонъ“.

МОСКВА.
Типографія Т/Д. И. А. МАЛЬКОВЪ и Ко. преем. И. В. Жукова
(Рождественскій бульв., № 10, Оболенской).
1917.

Максъ Нордау.

Еврейскій народъ и война.

Уже много разъ говорили о томъ, что изъ всѣхъ народовъ, которые теперь принимаютъ участіе въ ужасной міровой войнѣ, еврейскій народъ болѣе всѣхъ приноситъ жертвъ, страдаетъ и истекаетъ кровью. Безполезно снова останавливаться на этомъ, разукрашивать эту тему красивыми фразами. Теперь не моментъ для изящной литературы. Единственное, что въ настоящій моментъ необходимо—это смотрѣть событіямъ прямо въ лицо и извлечь изъ нихъ поученіе, которое они содержатъ для нашего народа.

Мы не безгласное стадо, которое даетъ себя вести пастуху и его псамъ, которое не предлагаетъ вопросовъ ни себѣ, ни другимъ и не старается уяснить себѣ свой путь. Мы также не автоматъ, механически исполняющій только тѣ движенія, для которыхъ его завели, но не понимающій своихъ дѣйствій, не проявляющій въ своемъ участіи личной воли. Мы имѣемъ гордость и несчастіе быть народомъ, который смотритъ, чувствуетъ и соображаетъ. Какъ солдаты мы, понятно, должны подчиняться дисциплинѣ, т. е. другими словами, мы слушаемся и не диспутируемъ, мы исполняемъ приказанія нашихъ начальниковъ со всѣмъ жаромъ нашего горячаго темперамента и со всей остротой нашей интеллигентности и мы дѣлаемъ—немного или много—больше, чѣмъ это является нашей обязанностью, зная, что мы должны защищать не только нашу индивидуальную репутацію, но также и честь нашего народа. Но въ то же время, когда мы дѣлаемъ то, что наши нееврейскіе сослуживцы рѣдко дѣлаютъ, мы задумываемся также надъ слѣдующими вопро-

сами: Что ожидаетъ насъ, евреевъ, въ концѣ этой долгой отвратительной бойни? Какимъ выйдетъ нашъ народъ изъ міровой войны? Принесетъ ли то рвеніе, съ которымъ мы исполняемъ наши гражданскія обязанности, нашъ героизмъ, который даетъ намъ отличіе, наши тяжелыя мучительныя жертвы, которыя мы приносимъ вынужденно или добровольно,—принесетъ ли все это плоды для еврейскаго народа, принесетъ ли это ему справедливость, залѣчитъ ли все это наши раны или, по крайней мѣрѣ, облегчитъ ли наши страданія, приведетъ ли ближе къ нашимъ историческимъ и моральнымъ идеаламъ?

Я вкратцѣ хочу указать отвѣты, которые диктуются мнѣ фактами.

До конца 18-го столѣтія войны, которыя постоянно опустошали Европу, остались безъ вліянія на судьбу еврейскаго народа. Индивидуальный еврей, конечно, приносилъ много жертвъ, которыя война влечетъ за собою. Но еврейскій народъ, какъ таковой, оставался незатронутымъ. Арміи составлялись изъ наемныхъ солдатъ, изъ добровольцевъ и лишь изрѣдка изъ людей, принудительно призванныхъ на службу. Еврей не допускался ни въ ряды волонтеровъ, ни въ ряды вынужденныхъ рекрутовъ. Еврей не оказывался въ ужасномъ положеніи быть вынужденнымъ сражаться противъ соплеменника и убивать собственнаго брата, носящаго другой мундиръ, чѣмъ онъ, онъ не находился въ ужасномъ положеніи человѣка, кричащаго ура въ тотъ моментъ, когда изъ груди, которую онъ прокалывалъ своимъ штыкомъ, вырывался крикъ: „шма исроэль“. Онъ не сталкивался лицомъ къ лицу со слѣдующей проблемой: въ мирное время ты только еврей и это отнимаетъ у тебя титулъ гражданина и всѣ права, которыя ему принадлежатъ; во время войны ты только гражданинъ и долженъ исполнять всѣ обязанности, отсюда проистекающія. Живой — ты еврей-бродяга, мертвый—ты герой-гражданинъ. Если ты при жизни осмѣливаешься предъявить требованія гражданскихъ правъ, ты революціонеръ и заслуживаешь висѣлицы. И если ты имѣешь дерзость на смертномъ одрѣ воскликнуть, что ты не только гражданинъ, но и еврей, тебя клеймятъ,—какъ человѣка безъ отчизны, и поносятъ,—какъ чужого въ твоей собственной странѣ.

Это положеніе совершенно измѣнилось съ 1789 года. Революціонная Франція приняла рѣшеніе о всеобщей службѣ. Пруссія, побѣжденная при Іенѣ, организовала вооруженную націю и ввела обязательную службу. Съ тѣхъ поръ еврейское участіе въ арміи больше не презирается. Еврей оказывается включеннымъ въ общій законъ, который требуетъ въ армію каждаго мужчину, жителя страны. Онъ солдатъ такого же рода, какъ и всѣ его сограждане, хотя въ большинствѣ странъ онъ меньше знакомъ съ величавой стороной военной службы, чѣмъ съ ея суровой дисциплиной, хотя эта новая и тяжелая обязанность не связывается необходимымъ образомъ съ полнотой гражданскихъ правъ.

Съ тѣхъ поръ войны имѣютъ страшное значеніе не только для идивидуальнаео еврея, но и для всего еврейства.

Большинство читателей знаютъ безъ сомнѣнія обычай „братства крови“ у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ. Въ центральной Африкѣ существуетъ слѣдующій обычай: когда чужой бѣлый пріѣзжаетъ къ какому нибудь племени, и вождь хочетъ принять его привѣтливо, продѣлывается специальная церемонія, которая проводится съ величайшей торжественностью. Гость и вождь племени дѣлаютъ другъ другу небольшіе уколы на правой рукѣ. Стекающая кровь собирается въ общій кубокъ, и оба участника церемоніи выпиваютъ нѣсколько капель ея. Когда этотъ актъ совершенъ, они считаются братьями и должны соотвѣтственно этому относиться другъ къ другу.

Война, въ которой еврей принялъ участіе въ качествѣ солдата въ арміи страны, вызываетъ въ немъ тотъ же эффектъ, какъ и церемонія „братства крови“ въ африканскомъ населеніи. Онъ смѣшалъ свою кровь съ кровью своего нееврейскаго товарища.

Этотъ то самообманъ вызвалъ въ евреѣ нѣкое глубокое убѣжденіе, поведшее къ важнымъ послѣдствіямъ. Нѣкоторые евреи стерли и уничтожили свое еврейское самосознаніе и замѣнили его новымъ—сознаніемъ политической націи, они вдохнули въ себя душу русскаго, нѣмца, француза, австрійца, румына, такъ что единство еврейскаго народа для нихъ больше не существовало. Еврей въ арміи, противъ которой еврей другой арміи долженъ былъ сра-

жаться, не былъ больше его братомъ, но врагомъ, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго, кромѣ неопредѣленнаго сходства по религіи. Еврей создалъ для себя иллюзію, что его мундиръ — это его кожа, и какъ нѣкоторыя птицы умѣютъ мѣнять свои перья, онъ замѣнилъ свою прежнюю кожу, онъ даже физически перестаi быть евреемъ, онъ превратилъ себя въ члена націи, среди которой живетъ и за которую сражается.

Такимъ образомъ, военная служба и особенно война уничтожила идеалъ объединенія еврейскаго народа, они разрушили солидарность Израиля, зажгли въ тѣхъ, которые находились подъ огнемъ, настоящую жажду полной ассимиляціи, которую частью надѣялись утолить отреченіемъ отъ еврейства, крещеніемъ. Это состояніе духа я наблюдалъ у венгерскихъ евреевъ, которые служили подъ начальствомъ Кошута въ 1849 году, у австрійскихъ евреевъ, которые сражались въ Италіи въ 1859 г., у нѣмецкихъ, которые продѣлали сраженіе при Рипелѣ въ 1864 г., при Садовѣ въ 1869 г., въ Сереіи въ 1870 г. Это побудило меня написать мою драму „Докторъ Конъ“, въ которой я показалъ вліяніе „родства крови“ на духовное состояніе еврейскаго солдата.

Эти историческія событія на первый взглядъ оправдываютъ опасенія, что результатомъ теперешней войны явится полное и окончательное разрушеніе связи, которая, къ сожалѣнію, очень слабо соединяла разсѣянныя части еврейскаго національнаго организма. Почти всѣ націи, имѣющія значительное еврейское населеніе, вовлечены въ ужасный водоворотъ. Больше семи сотъ тысячъ евреевъ сражается въ различныхъ арміяхъ. Подавляющее большинство еврейской молодежи—наша надежда, наше будущее—находится въ окопахъ подъ вліяніемъ моральныхъ факторовъ, которые дѣйствуютъ за иллюзію ассимиляціи. Было бы логичнымъ думать, что тѣ изъ нашего народа, которые вернутся съ поля сраженія, все поколѣніе сегодняшняго и завтрашаяго дня, не представятъ цѣнности для еврейскаго будущаго, будутъ потеряны для нашихъ національныхъ идеаловъ, какъ это было съ большой частью итальянскихъ евреевъ и евреевъ, принимавшихъ участіе въ нѣмецкихъ и балканскихъ войнахъ. Они будутъ потеряны для продолженія развитія еврейства, и только евреи Америки и въ незначительномъ

количествѣ евреи Швейцаріи, Голландіи и скандинавскихъ странъ, благодаря нейтралитету ихъ странъ, будутъ спасены отъ замѣны еврейскаго духа другимъ національнымъ сознаніемъ, подавляющимъ старыя еврейскія традиціи.

Но въ дѣйствительности, настоящая война не приведетъ къ такому измѣненію. Я глубоко убѣжденъ въ этомъ, и я заявляю это, не опасаясь, что будущее опровергнетъ меня.

Ибо съ 1860 года антисемитизмъ повсюду дѣлалъ свою работу. Этотъ позоръ человѣчества имѣлъ свою историческую миссію: охранить еврейство отъ медленнаго изчезновенія, будить его жизненный духъ, его скрытую энергію и вернуть ему его волю къ жизни, которая ослабѣла и чуть не угасла. Антисемитизмъ выполнилъ, вполнѣ выполнилъ свою миссію. Повсюду евреи убѣдились, что они единственные, которые вѣрятъ въ это братство черезъ кровь, они убѣдились, что ихъ нееврейскіе товарищи въ арміи въ это не повѣрили ни на одинъ моментъ, и болѣзненные уроки и безпрестанныя страданія жестоко разрушили иллюзіи, которыми евреи себя убаюкивали. Теперь они знаютъ, что хотя они благородно и геройски исполняютъ свои гражданскія обязанности, все же не забывается ихъ еврейское происхожденіе, что никто не забываетъ имъ ихъ племени и психики, и если они сами это дѣлаютъ, то этимъ дѣлаютъ себя только смѣшными въ глазахъ своихъ постоянныхъ враговъ; они вызываютъ презрѣніе и жалость со стороны безпартійныхъ, индифферентныхъ и друзей. И благодаря своей способности логически мыслитъ, они извлекутъ правильные выводы: они больше не будутъ прокламировить крикливый патріотизмъ, первымъ условіемъ котораго является отреченіе отъ еврейства, наоборотъ, они крѣпко будутъ держаться еврейства и своимъ примѣромъ докажутъ, что можно быть образцовымъ гражданиномъ въ своей активной и дѣйственной любви къ отечеству и все же остаться убѣжденнымъ евреемъ, твердо придерживающимся историческихъ традицій народа. Можно поэтому съ увѣренностью ожидать, что море крови, которое мы теперь проливаемъ на поляхъ сраженій, не затопитъ еврейской души, что она снова выявится просвѣтленная, освѣженная и возрожденная.

У насъ нѣтъ недостатка въ геройскихъ трусахъ, которые изъ опасенія, что ихъ патріотизмъ не сочтутъ доста-

точно горячимъ, проявляютъ дикую ненависть къ иностраннымъ евреямъ и истерически кричатъ при этомъ о своемъ гипернаціонализмѣ, при чемъ они втихомолку высмѣиваются антисемитами. Я не считаю нужнымъ назвать имена этихъ жалкихъ глупцовъ въ Англіи, Франціи, Германіи и въ другихъ мѣстахъ, которые заняли подобную позицію. Ихъ имена всѣмъ знакомы. Несмотря на все это, было бы не совсѣмъ безполезно ясно отвѣтить имъ: Вы уничтожаете еврейскую солидарность... Еврейскій народъ исключаетъ васъ изъ своей среды и не хочетъ васъ знать. Вы хотите только быть суперпатріотами вашей страны? Какъ вамъ угодно,— мы объявимъ передъ міромъ, что вашъ дрожащій голосъ не является голосомъ еврейскаго народа, который не позволяетъ себѣ быть представленнымъ такими недоумками, какими вы являетесь.

Утвержденіе еврейства въ тотъ моментъ, когда наши дѣти носятъ мундиръ своихъ согражданъ, маршируютъ вмѣстѣ съ ними, сражаются съ ними и умираютъ вмѣстѣ съ ними, имѣетъ не только моральное значеніе, но приведетъ также къ обязательнымъ результатамъ. Мы имѣемъ не только враговъ, мы имѣемъ также и друзей—честныхъ, полныхъ добрыхъ намѣреній, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ это кажется нашему пессимизму. Мы ослабляемъ мужество нашихъ друзей тѣмъ, что мы сами опускаемся, тѣмъ, что мы позорно капитулируемъ; мы усиливаемъ ихъ мужество углубленіемъ сознанія нашей національной личности, прокламированіемъ нашихъ требованій для народнаго будущаго.

Еврейскій народъ вѣритъ, что будущій миръ принесетъ ему исцѣленіе. *Эта вѣра не имѣетъ ни малѣйшаго основанія осуществиться, если еврейскій народъ раньше не убѣдитъ міръ, что таковая вѣра живетъ внутри него самаго, и что она имѣетъ за собою коллективное сознаніе и организованную волю. Въ этомъ лежитъ первое условіе для осуществленія нашихъ надеждъ.*

Великой еврейской проблемой настоящаго момента является—знать, какую судьбу готовитъ намъ будущій миръ. Повсюду наши братья съ жгучимъ любопытствомъ спрашиваютъ: Что будетъ съ нашими требованіями? Какъ ихъ примутъ? Что намъ дадутъ и въ чемъ намъ откажутъ? Въ ка-

кой формѣ мы должны представить наши требованія? Кому и чрезъ кого мы ихъ должны адресовать?

Въ этой статьѣ я хочу остановиться только на одномъ пунктѣ. Каждый настоящій еврей естественно спрашиваетъ себя: „Какія у меня обязанности въ настоящій моментъ? Что могу я дѣлать и что я долженъ дѣлать, чтобы исполнить мой долгъ по отношенію къ моему народу, помочь въ подготовленіи будущаго, облегчить работу тѣхъ, которымъ придется говорить отъ нашего имени, требовать для насъ человѣческихъ правъ“?

Да эти обязанности весьма несложны: мы сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, должны утверждать наше еврейство; при каждой возможности, повсюду, передъ всѣмъ міромъ,—именно потому, что мы имѣемъ семьсотъ тысячъ солдатъ на поляхъ сраженій, именно потому, что отъ насъ не перестаютъ требовать самыхъ большихъ жертвъ, именно, потому, что мы блестяще докажемъ, что никакая клевета никогда не сможетъ затемнить нашъ плодотворный и дѣйствительный патріотизмъ при нашей непоколебимой волѣ продолжать существованіе еврейскаго народа. Если мы откажемся отъ тѣхъ несчастныхъ людишекъ, которыхъ мы никогда не признавали и которые все же притязаютъ представлять наше мнѣніе, если мы убѣдимъ міръ въ существованіи воли двѣнадцатимилліоннаго народа, который способенъ послать на поле сраженія 700,000 борцовъ, тогда мы положимъ основаніе, на которомъ можетъ быть рѣшена наша судьба. Все остальное—это чисто техническіе вопросы, для которыхъ требуется тактъ, мудрость, цѣлый рядъ возможныхъ, полезныхъ и подходящихъ вещей,—все способности, которыя имѣются у того или другого изъ насъ. По отношенію къ этой практической работѣ я вѣрю въ біологическій законъ: дѣло создаетъ творца.

Мадридъ.

А. Гольдштейнъ.

Наши перспективы.

I.

Ни передъ одной еврейской организаціей не выдвигаетъ современный моментъ столь сложныхъ и отвѣтственныхъ требованій, какъ передъ сіонистскою партіей. Ибо мы— фактически единственная *національно - политическая* партія въ еврействѣ. Помимо насъ, нѣтъ ни одной партіи, которая не на словахъ, а на дѣлѣ трактовала бы еврейскую проблему, какъ проблему всего коллектива — какъ проблему *всего еврейскаго народа*, независимо отъ государственныхъ перегородокъ, раздробляющихъ весь народъ на отдѣльныя части. И поэтому для всякаго не-сіониста даже въ теперешнюю годину безпримѣрнаго историческаго урагана еврейскій вопросъ — только маленькій «привѣсокъ» къ общегосударственнымъ проблемамъ странъ нашего поселенія. И ассимиляторъ, и автономистъ, и «достиженецъ», и еврей-соціалъ-демократъ,—всѣ они къ еврейскому вопросу подходятъ съ одинаковою формулою: кончится война, начнется разрѣшеніе конституціонныхъ (или классовыхъ) вопросовъ,—и между прочимъ, «мимоходомъ», будетъ достигнуто и урегулированіе положенія евреевъ. При этомъ, конечно, имѣется ввиду не *одновременное* разрѣшеніе еврейскаго вопроса *повсюду*, а, такъ сказать, достиженіе измѣненій къ лучшему «въ розницу»—по отдѣльнымъ государствамъ и странамъ, въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Сообразно этой идеологіи, *общееврейской* національной политики, въ сущности, быть не можетъ. Каждый осколокъ еврейскаго народа въ каждой данной странѣ долженъ вести свою локально-еврейскую политику.

Задачи, предъявляемыя моментомъ къ сіонистской организаціи, разумѣется, совершенно иныя. Къ этой войнѣ, какъ и ко всякому историческому событію, она подходитъ со своимъ единственнымъ верховнымъ критеріемъ: приблизитъ ли или отдалитъ міровой переворотъ осуществленіе вѣкового національнаго идеала еврейства? Какія перспективы nach innen и nach aussen возникаютъ въ связи съ войною передъ всемірнымъ еврействомъ, какъ національнымъ коллективомъ?

Всѣ народы міра, чающіе лучшаго національнаго будущаго, мобилизовали не только свои силы, но и представительство своей національной воли. Правительство крохотной Сербіи говоритъ и отъ имени милліоновъ сербовъ Австріи. Національный польскій совѣтъ въ Варшавѣ считаетъ себя призваннымъ бороться не за интересы однихъ только русскихъ поляковъ, а за интересы *всего* польскаго народа. Представители армянскаго народа въ Константинополѣ думаютъ и чувствуютъ то же, что и армянскіе дѣятели въ Эчміадзинѣ. Одинъ только еврейскій народъ—самый обездоленный среди народовъ земли—безмолвствуетъ, какъ будто ему нечего сказать въ день преображенія историческихъ судебъ человѣчества. Трагикомедія голуса вкрапила насъ отдѣльными точками въ государственные парламенты чуть-ли не всѣхъ странъ свѣта и въ то же время лишила насъ даже суррогата общееврейскаго представительнаго органа.

Для сіонистской концепціи еврейство—не конгломератъ гражданъ различныхъ странъ, а такой же внутренне-суверенный и автономный, несмотря на свое разсѣяніе, народъ, какъ всѣ другіе народы; и еврейская проблема—не Гордіевъ узелъ отдѣльныхъ „еврейскихъ вопросовъ" въ $(n+1)$ странахъ, а такая же великая общенаціональная проблема, требующая своего разрѣшенія. И сіонисты не могутъ допустить и не допустятъ, чтобы въ неповторимый часъ мірового трибунала народовъ всѣ націи настойчиво и единодушно декларировали свои національныя требованія и идеалы,—а одно только еврейство продефилировало въ жалкой роли нѣмого.

II.

Я знаю—придутъ „трезвые" и „благоразумные" и скептически пожмутъ плечами. И увѣренно-вѣско прозвучитъ голосъ обывательской логики: Не стройте воздушныхъ зам-

ковъ! У васъ нѣтъ силъ, у васъ нѣтъ опоры, у васъ нѣтъ увѣренности, что вы чего-либо добьетесь. Въ лучшемъ случаѣ, на васъ посмотрятъ, какъ на мечтателей, не считающихся съ фактическимъ положеніемъ вещей. Въ худшемъ случаѣ, васъ не сочтутъ даже нужнымъ выслушать. Донъ-Кихоты національнаго радикализма, вы своимъ стремленіемъ рѣзко обнажить передъ глазами всемірнаго ареопага сущность еврейской проблемы принесете лишь вредъ, а не пользу. Ибо, вмѣсто ограничивающихся скромными требованіями болѣе сносной жизни *евреевъ*, передъ сильными міра сего предстанетъ дерзновенный и непонятный образъ еврейскаго *народа*, требующаго возрожденія на былой своей родинѣ. Надъ претензіями второго только улыбнутся. Но, изъ-за этихъ фантастическихъ претензій, не остановятся съ должнымъ вниманіемъ на реальныхъ и осуществимыхъ домоганіяхъ первыхъ. Изъ-за недосягаемаго въ поднебесьѣ журавля будетъ упущена достижимая синица.

Къ счастью, это не первое пророчество „трезво“ и „логично“ мыслящихъ людей. Эта же трезвая, мудрая логика не дальше какъ годъ-два тому назадъ вызывала на ихъ лицахъ ту же ироническую улыбку и по адресу другихъ „Донъ-Кихотовъ“, и при критикѣ другихъ „утопій“. Развѣ еще очень недавно не считали всѣ „разсудительные“ люди бредомъ горячихъ головъ идеалъ возсоединенія частей Польши, казалось, навѣки раздѣленныхъ между сильными сосѣдями? Развѣ не покачивали насмѣшливо головою при „бредняхъ“ неуравновѣшенныхъ фантастовъ о будущей „Свободной Украинѣ“?Развѣ не казалось еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что игнорирующія status quo смѣлыя вожделѣнія армянскихъ радикалъ-націоналистовъ—миражъ, о которомъ неловко разговаривать въ серьезномъ обществѣ? И вдругъ... Неожиданно пробилъ часъ переворота, и самыя дерзкія фантазіи—на шагъ отъ превращенія въ факты.. И кто знаетъ, столь ли естественными казались бы теперь эти головокружительныя метаморфозы, если бы долголѣтняя дѣятельность „утопистовъ“ всѣхъ этихъ народовъ не подготовила психику Европы къ программѣ-максимумъ ихъ національныхъ идеаловъ? Ихъ настойчивое фиксированіе всеобщаго вниманія на яркихъ лозунгахъ вѣрно формулированной ими національной воли исподволь проникло въ сознаніе и своихъ и чу-

жихъ,—и когда наступила пора переоцѣнки обветшалыхъ цѣнностей, новыя цѣнности какъ, нѣчто безспорное, самособою разумѣющееся, были заимствованы изъ ихъ идейнаго арсенала.

Нельзя измѣрять грядущія судьбы народовъ вершками и лотами обывательской логики. Никто не можетъ заранѣе точно предсказать, когда и какъ добьется народъ завѣтной перемѣны въ своемъ положеніи. Но физіономія міра, вѣроятно, навѣки закостенѣла бы въ однихъ и тѣхъ же очертаніяхъ, если бы, при всякой попыткѣ приблизиться къ разрѣшенію проблемы, „фантазеры“ должны были предварительно доказать, что они *навѣрное* добьются успѣха. Путь борцовъ за лучшее національное будущее не проложенъ по желѣзнымъ мостамъ. Возможны, даже неизбѣжны задержки, провалы. Но именно поэтому нужно умѣть дерзать на этомъ нелегкомъ пути, нужно обладать непреклонною рѣшимостью идти все впередъ и впередъ—до конца.

На нашихъ глазахъ были сдѣланы двѣ первыхъ грандіозныхъ попытки вынести еврейскій вопросъ на международный форумъ Европы. Эти попытки не привели нашъ народъ сразу, однимъ переходомъ, къ вожделѣнному исходу изъ тупика. Но онѣ пробили глубокую брешь въ этомъ тупикѣ. И когда теперь мы снова стоимъ передъ тѣмъ же европейскимъ форумомъ, и мысль о третьей попыткѣ волнуетъ умы,—быть можетъ, лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ о нашихъ перспективахъ послужитъ воспоминаніе о тѣхъ, первыхъ, попыткахъ.

Въ 1878 году лордъ Биконсфильдъ-Дизраели выставилъ и провелъ на Берлинскомъ конгрессѣ требованіе полнаго равноправія евреевъ во вновь образованныхъ государствахъ. Тѣ, кто ближе знакомы съ еврейской душою автора „Давида Альроя“, знаютъ, насколько дальше шли мечты Дизраели о будущей судьбѣ Израиля. Онъ грезилъ о возстановленіи еврейской Палестины, о воскрешеніи родного народа въ былой красотѣ. Величайшій государственный геній тогдашней Англіи, въ апогеѣ своего могущества, поддержанный „желѣзнымъ канцлеромъ“,—онъ все же не выступилъ тогда съ предложеніемъ о государственной реставраціи еврейства.

Почему? Ибо, при всей своей внѣшней мощи, Дизраели внутренне былъ одинокъ. Распыленный и пассивный, жалко влачилъ тогда свои дни еврейскій народъ, еще не осознавшій истинной сущности своихъ національныхъ задачъ, еще не претворившій свои мистическія и мессіанистскія чаянія въ активный творческій идеалъ. И не изъ за чуждой ему боязни смѣлаго эксперимента, не изъ-за внѣшнихъ припятствій, которыя ему тогда легко было бы побороть, ограничилъ Дизраели свое выступленіе въ пользу еврейства столь сравнительно скромными рамками,—а по другимъ, болѣе глубокимъ мотивамъ. Ему не на кого было опереться. *Извнутри*, изъ среды самого народа, время еще не приспѣло.

Черезъ 18 лѣтъ другой геніальный еврей вновь рѣшился на тотъ же отважный шагъ—обратиться къ государствамъ и народамъ Европы съ требованіемъ вмѣшательства въ аномальныя судьбы еврейства. Теодоръ Герцль опубликовалъ свой „Iudenstaat". Создатель сіонистскихъ конгресовъ былъ счастливѣе и несчастнѣе Дизраели. Инымъ за эти годы сталъ народъ. Живительною бурею пронеслась проповѣдь Герцля черезъ толщи народныхъ массъ, сметая истлѣвшія сорныя травы, глубоко взрыхляя почву, оплодотворяя народную ниву сѣменами великой національной идеи. Не по днямъ, а по часамъ, формировалась, крѣпла, громко прорывалась вовнѣ пробужденная отъ долгой спячки національная воля. Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo,—это восклицаніе Лассаля стало осуществленнымъ жизненнымъ дѣломъ Герцля. Но *вовнѣ* положеніе Герцля было трагичнымъ. Лишенный грандіозныхъ рессурсовъ Биконсфильда, онъ имѣлъ мужество явиться къ народамъ и правительствамъ исключительно какъ представитель еврейскаго народа и, какъ таковой, стремился достигнуть ликвидаціи еврейской проблемы Европою. Но Европа переживала тогда эпоху непоколебимѣйшаго Stillstand'a; status quo было евангеліемъ дипломатіи; а національный идеалъ еврейства, трактовка еврейскаго вопроса, какъ міpoвого и международнаго, идея территоріальнаго воскрешенія еврейскаго народа,—все это было еще такъ ново, такъ неожиданно и непривычно для уха парламентаріевъ, дипломатовъ и министровъ. Теодора Герцля внимательно, съ любопытствомъ выслушивали, часто заинтересовывались,—и только. Въ этомъ кажущемся „неуспѣхѣ", въ сущности,

таилось осуществленіе громадной важности подготовительной работы. Благодаря Герцлю, широкіе круги и не-евреевъ пріучились мыслить евреевъ народомъ, имѣющимъ свой опредѣленный національный идеалъ.

Вновь прошло 18 лѣтъ, и по волѣ судьбы вновь стоимъ мы у воротъ, ведущихъ на міровой политической форумъ. Внѣ нашей среды нѣтъ Веніамина Дизраели. Внутри нашихъ рядовъ нѣтъ Теодора Герцля.

Но иною стала физіономія Европы. И инымъ сталъ обликъ еврейскаго народа. Въ этихъ перемѣнахъ—основа нашихъ перспективъ.

III.

Десятки лѣтъ сіонистской пропаганды не могли бы произвести въ душѣ еврейства такого сдвига, какъ тѣ явленія, что раскрылись передъ глазами народа во время этой войны. Голусъ внезапно забылъ про свои обманчивыя ужимки и улыбочки, отбросилъ въ сторону всѣ свои маски,—и во всей неприкрашенности своего истиннаго зловѣщаго обличья предсталъ передъ взоромъ потрясеннаго народа· Дѣло не въ томъ, что столько-то десятковъ тысячъ евреевъ превратились въ нищихъ, что столько-то десятковъ тысячъ еврейскихъ женъ и дѣтей превратятся во вдовъ и сиротъ. Дѣло въ чемъ-то совершенно иномъ,—въ томъ, что черезчуръ глубоко и неизгладимо, чтобы пройти безслѣдно черезъ народную душу.

Мы отдали полмилліона евреевъ-солдатъ на поля сраженій. На Литвѣ и въ Польшѣ, въ Галиціи и въ Буковинѣ,—вездѣ, гдѣ смерчъ войны пронесся наиболѣе опустошающимъ образомъ, мы оказались въ самомъ центрѣ міровой катастрофы. Будущій историкъ съ не меньшимъ—если не съ большимъ—правомъ упомянетъ о „еврейской Бельгіи“, какъ о „Бельгіи польской“, бѣдствія которой вызвали такой взрывъ единодушнаго сочувствія. Экономически война разорила насъ въ несравненно большей степени, чѣмъ другія народности. Разсѣянные между всѣми государствами міра, мы имѣли privillegium odiosum стать борцами всѣхъ становъ: и въ кровавыхъ бояхъ враждующихъ народовъ еврей стрѣлялъ въ еврея, братъ закалывалъ брата. Наши жертвы на алтарь войны чудовищно-непропорціонально велики. Въ ряду наро-

довъ-мучениковъ мiровой трагедiи рокъ выдвинулъ насъ на первое мѣсто.

И въ то же время... въ то же время проклятiе нашей безземельности сыграло надъ нами свою дьявольскую шутку. Всѣ народы, отъ мала до велика, оказались обладателями опредѣленнаго удѣльнаго вѣса на чашѣ исторiи Европы, всѣ они оказались нужными, полезными, играющими вполнѣ опредѣленную и всѣми учитываемую роль. Одинъ только еврейскiй народъ, несмотря не всѣ несчетныя жертвы, вдругъ почуствовалъ, какая онъ ничтожная пылинка въ часъ учета международныхъ силъ. Не только уступающiй намъ по численности бельгiйскiй народъ, не только трехмиллiонная Сербiя, не только Болгарiя или Португалiя,—даже лилипуты среди народовъ занимаютъ свое самостоятельное мѣсто, предъявляютъсвои требованiя, говорятъ о своихъ заслугахъ и правахъ. Одна только еврейская нацiя—внѣ общаго закона. Ея дань людьми растворяется въ морѣ армiй тѣхъ народовъ, среди которыхъ она живетъ. Ея жертвы деньгами заносятся не на ея нацiональный кредитъ, а распыляются по сотнямъ общегосударственныхъ рубрикъ. Разгромъ населенныхъ евреями городовъ и мѣстечекъ оплакивается культурнымъ мiромъ, какъ „разоренiе Польши“, какъ „бѣдствiе Литвы“ и т. д. Когда доходитъ очередь до оцѣнки понесенныхъ жертвъ, до признанiя сыгранной роли,—*еврейскiй народъ отсутствуетъ въ спискѣ народовъ земли.*

Пройдитесь по чертѣ, прислушайтесь къ тому, что думаютъ и чувствуютъ широкiе круги народа,—и вы увидите, какою нестерпимою болью ожгло народную душу сознанiе этой страшной, безпримѣрной несправедливости исторiи. Вдругъ *всѣ*, какъ одинъ человѣкъ, остро почувствовали то, что раньше томило сердца лишь сравнительно немногихъ: *мы не такой народъ, какъ всѣ другiе народы.* Сегодня эта мысль еще смутно, полусознательно бередитъ всенародною мукою сознанiе. Завтра она дойдетъ до своего неизбѣжнаго логическаго конца.

IV.

И еще одинъ моментъ сыграетъ свою роль въ преображенiи психики нашего народа: крахъ всѣхъ тѣхъ идей, на которыхъ зиждился принципiальный «голусизмъ“. Народу, какъ и человѣку, не легко сказать себѣ: ты—аномалiя, не-

естественное исключеніе среди другихъ, тебѣ подобныхъ. Отсюда—та цѣпкость, та виртуозность, съ которою мы ухватывались за всякую идею, дававшую намъ хотя бы тѣнь иллюзіи въ „нормальности“ нашего status quo. Теоріи Шпрингера стали своего рода Кораномъ для вѣрующихъ разныхъ толковъ „автономизма“. Судьбы другихъ народовъ, также ущемленныхъ и угнетенныхъ въ національномъ своемъ я, были лучшимъ аргументомъ противъ „чрезмѣрной чувствительности“ ненавистниковъ голуса. Правда, и тогда аналогія между еврействомъ и другими—хотя бы и угнетенными—народами очень и очень хромала. Но эта мнимая аналогія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала инстиктивному желанію не оказаться единственнымъ бездомнымъ народомъ во вселенной, лишеннымъ даже товарищей по несчастью. И мы дурманили свое національное самосознаніе сравненіемъ себя съ другими обездоленными націями, надеждами на грядущее внѣ-территоріально-автономное Царство Божіе на землѣ, усѣянной Nationalitätenstaat'ами.

Война однимъ взмахомъ похоронила всѣ эти иллюзіи. Никто, конечно, не можетъ предсказать, каковъ будетъ обликъ міра послѣ войны. Но одно несомнѣнно: она приведетъ къ сліянію растерзанныхъ національностей въ цѣльныя государственныя или областныя единицы. Національный вопросъ —въ своемъ элементарномъ территоріально-центростремительномъ видѣ—вѣроятнѣе всего, будетъ разрѣшенъ для всѣхъ народовъ. Больные раздробленностью народы выздоровѣютъ, и пышно расцвѣтутъ матеріальныя и духовныя культуры на этой здоровой національной почвѣ. Одинъ только нашъ народъ останется тѣмъ же больнымъ и обездоленнымъ скитальцемъ, что и раньше. Но мука его обездоленности станетъ тогда во многократъ горше: онъ потеряетъ утѣшеніе считать себя однимъ изъ многихъ неудовлетворенныхъ. Онъ потеряетъ „товарищей по несчастью“. Въ тотъ часъ, когда совершится воля исторіи, когда *всѣ* народы отдадутся свѣтлой радости своего національнаго объединенія, когда даже пигмеи Европы получатъ долгожданный отвѣтъ на свою національную проблему,—тогда унизительнѣе унизительнаго, невыносимѣе невыносимаго станетъ доля нашего народа, *единственнаго*, кто за этимъ столомъ не участникъ. Жгуче-оскорбительно, какъ пощечина, ударитъ по лицу еврейства фактъ страшнаго

различія между нами и всѣми другими народами: они имѣютъ родную землю подъ ногами, кровлю родного дома надъ головой, а мы... мы—народъ безъ земли и безъ крова.

Суровые „предметные уроки“ исторіи не пропадаютъ даромъ. Не будутъ напрасными и тѣ жестокія поученія, что обрушила на наши головы воля рока. Иногда одинъ годъ играетъ въ жизни народа болѣе опредѣляющую роль, чѣмъ цѣлыя десятилѣтія. Та вырытая голусомъ бездна, что ужаснула глаза народа въ эту войну, не можетъ не революціонизировать его душу, не отравить его волю и мысль отвращеніемъ къ тому, что явилось причиною этой бездны. Чѣмъ ярче и радужнѣе будутъ разгораться кругомъ надежды живущихъ рядомъ народовъ,—тѣмъ томительнѣе будетъ звучать тоска по собственной, по еврейской національной надеждѣ. Чѣмъ болѣе горды и радикальны будутъ требованія другихъ націй,—тѣмъ все болѣе незаслуженною и обидною будетъ казаться своя, жалкая и убогая, еврейская доля. Чѣмъ больше будетъ званыхъ, чѣмъ больше избранныхъ, тѣмъ громче взбунтуется гордость и у верховъ и у низовъ народа-исключенія,—и возмущенная гордость выведетъ на дорогу національнаго дѣла и тѣ элементы, что до тѣхъ поръ стояли вдали.

Таково будетъ психическое состояніе еврейства къ моменту ликвидаціи всемірнаго кризиса. Объединенныя общими, только что перенесенными страданіями, отдѣльныя группы въ еврействѣ инстинктивно будутъ тянуться другъ къ другу. И если въ такой моментъ раздастся голосъ, зовущій въ координаціи всѣхъ еврейскихъ силъ, къ совмѣстному выступленію отъ имени еврейскаго народа,—онъ найдетъ небывалый до того откликъ.

И тогда свершится то, чего такъ недоставало Дизраели,— то, достиженію чего Герцль отдалъ свою жизнь. Передъ лицомъ міра, въ великій часъ его переустройства, прозвучитъ голосъ и еврейскаго народа, требующаго для себя такого же „мѣста подъ солнцемъ“, какъ и всѣ другіе народы.

V.

„Мѣсто подъ солнцемъ“ для бездомнаго еврейскаго народа!. Въ народной душѣ названіе этого мѣста подъ солнцемъ давно уже начертано золотыми буквами любви, кровавыми письменами страданія: Erez-Israel—*Палестина*. Страна велика-

го, славнаго прошлаго, обѣтованная, желанная земля. Незабвенная и единственная, старая и вѣчная Родина, вѣрность которой народъ пронесъ черезъ скорбныя тысячелѣтія разлуки.

Но одной только духовной связи между народомъ и страной, однихъ только „историческихъ правъ" недостаточно для успѣшнаго декларированія нашей національной воли, для надежды на удовлетвореніе нашихъ вѣковыхъ чаяній тѣми, кто будутъ устанавливать карту міра. Когда передъ верховнымъ международнымъ судилищемъ одинъ за другимъ продефилируютъ „кредиторы" той или другой территоріи и предъявятъ опредѣленныя національныя требованія,—не окажутся ли смѣшнымъ анахронизмомъ наши историческіе документы на право обладанія Палестиной, документы, по которымъ еще столѣтія тому назадъ истекла уже давность? Не уподобимся ли мы тому анекдотическому обнищавшему помѣщику, который при каждомъ новомъ манифестѣ спѣшитъ въ сенатъ съ требованіемъ о возвратѣ дѣдовскаго имѣнія, давнымъ-давно перешедшаго въ чужія руки?

Попытаемся разобраться.

Прежде всего—перешла ли Палестина въ другія, нееврейскія руки, имѣетъ ли она нынѣ фактическаго, цѣликомъ овладѣвшаго ею, хозяина? Нѣтъ. Именно съ точки зрѣнія современнаго государственно-колонизаціоннаго масштаба — нѣтъ. Независимо отъ того, кто будетъ послѣ войны сувереннымъ главою Палестины, Турція ли, Англія ли, или другая держава,—ея суверенъ не сможетъ признать, что эта область уже фактически занята, что нѣтъ вопроса о ея заселеніи. Ибо тѣ полмилліона арабовъ, что находятся въ Палестинѣ,—лишь небольшая часть того населенія, которое можетъ и должна вмѣстить въ себя Палестина, и которое она рано или поздно вмѣститъ. Вѣковая запущенность и рядъ другихъ условій привели къ тому, что Палестина—выражаясь европейскою терминологіей—еще „полудикая", въ значительной степени пустая страна. Но двадцатый вѣкъ страдаетъ специфическимъ horror vacui. Полудикая, полупустая страна, чуть-ли не подъ носомъ мірового товарообмѣна, на берегу Средиземнаго моря,—это одинъ изъ парадоксовъ блаженной памяти status quo, умершаго отъ перваго выстрѣла всемірной войны. Населеніе будущей Палестины будетъ равно

четыремъ, пяти или семи милліонамъ,—въ зависимости отъ энергіи и способностей ея обитателей,—но одно несомнѣнно: кто-то долженъ будетъ прійти въ эту землю, кто-то придетъ въ нее и заселить ее и пріобщитъ ее къ міровой культурѣ и къ міровому рынку. И именно этотъ культуртрегеръ и оплодотворитель страны, тотъ, кто четырьмя, пятью или семью милліонами новыхъ жителей заполнитъ ея запущенныя, опустѣлыя, безлюдныя или малолюдныя земли,—именно онъ будетъ обладателемъ Палестины. Подобно тому, какъ буры завладѣли Южною Африкой; подобно тому, какъ массы обездоленныхъ Стараго Свѣта, заселяющія западъ Америки, на нашихъ глазахъ формируютъ грядущаго обладателя этой территоріи.

Если бы европейская война разразилась не въ 1914, а въ 1964 году,—несомнѣнно, этотъ nasciturus, этотъ неизбѣжно, въ силу объективнаго положенія вещей, долженствующій появиться народъ-колонизаторъ Палестины къ тому времени уже такъ много корней пустилъ бы въ этой странѣ, такъ много живительныхъ струй внесъ бы въ ея жизнь, что съ точки зрѣнія международной, оставалось бы только санкціонировать фактическое право данной націи на эту территорію. Въ 1914 г. вопросъ, конечно, гораздо сложнѣе. Однако, далеко не въ такой степени, какъ это кажется присяжнымъ скептикамъ.

Еврейскій народъ—претендентъ на обладаніе Палестиной—застигнутъ войною на первыхъ ступеняхъ, ведущихъ къ активному овладѣнію страною. Не прошло еще и двадцати лѣтъ съ того момента, какъ сверхчеловѣческая воля Теодора Герцля вызвала народъ изъ мистическихъ сумерекъ бездѣятельнаго мессіанизма на высоты дерзанія и дѣйствія. И то, что мы сегодня имѣемъ въ Палестинѣ, то, что донынѣ тамъ создано первыми піонерами еврейскаго національнаго творчества,—конечно, очень и очень немного по сравненію съ тѣмъ, къ чему мы стремимся, чего мы хотимъ и должны достигнуть.

Но государственные дѣятели, въ отличіе отъ обывателей, учитываютъ *цѣнность* явленія, его способность къ развитію въ будущемъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ его конкретную, „статистическую“ *цѣну* въ каждый данный моментъ. И съ этой точки зрѣнія достигнутые нами въ Палестинѣ результаты далеко не являются quantité negligeable. Даже сегодня, въ са-

момъ началѣ пути, послѣ первыхъ лишь, опытныхъ шаговъ, —въ активѣ еврейскаго народа имѣется въ Палестинѣ значительно больше матеріальныхъ и духовныхъ цѣнностей, чѣмъ у всѣхъ народовъ Европы, вмѣстѣ взятыхъ.

Нашъ земельный „инвентарь“ въ Палестинѣ въ 500.000 дунамовъ, наши 40 колоній, разбросанныхъ по лицу страны, an und für sich, конечно, скромная величина. Но вспомните *роль* этихъ четырехъ десятковъ колоній въ развитіи земледѣльческой жизни страны; сравните земледѣліе Палестины *до* и *послѣ* появленія еврейской колонизаціи;—и только тогда вы поймете истинную цѣнность того, что принесли въ страну немногія тысячи первыхъ еврейскихъ колонистовъ. До появленія евреевъ эти земли въ своей большей части считались пустырями, а въ меньшей части обрабатывались первобытнымъ, архаически-невѣжественнымъ образомъ. Евреи внесли въ воздѣлываніе земли послѣднее слово современной науки, оросили мнимые пустыри, смѣнили допотопный „гвоздь“ земледѣльческими машинами, насадили рядъ новыхъ культуръ, истратили милліоны на опыты, устроили образцовыя фермы и испытательныя агрономическія станціи, открыли далекіе рынки сбыта для палестинскихъ продуктовъ. Каждая еврейская колонія стала маленькимъ лучеиспускательнымъ центромъ цивилизаціи и экономическаго и культурнаго подъема въ странѣ. Оазисы еврейскихъ поселеній на безрадостномъ фонѣ окружающей отсталости и запущенности—яркій показатель того, чѣмъ *могла бы* быть эта страна, чѣмъ *будетъ* она при дальнѣйшемъ поступательномъ темпѣ европеизирующей и цивилизирующей колонизаціи евреевъ.

Не великъ еще и нашъ людской „инвентарь“ въ Палестинѣ. Составляя 65% населенія Іерусалима, населенія Сафеда и 80% населенія Тиверіады, мы въ остальныхъ городахъ и мѣстностяхъ Палестины—еще въ меньшинствѣ. Но проанализируйте *значеніе* еврейскаго городского элемента въ Палестинѣ,—и вновь раскроется передъ вами та же громадная піонерски-колонизаторская роль. Небольшія волны еврейской иммиграціи послѣднихъ лѣтъ вовлекли Палестину въ водоворотъ чуждыхъ ей дотолѣ элементовъ европейской культуры. Нашъ „Бецалелъ“, быть можетъ, еще лишь эмбріонъ будущей художественно-кустарной академіи,—но въ Палестинѣ это *первое* и *единственное* учрежденіе, насаждающее кустарную промы-

шленность по европейскому методу. Наши четыре среднихъ учебныхъ заведенія въ странѣ, десятки нашихъ городскихъ и сельскихъ школъ, наша учительская семинарія, наша агрономическая школа, наша учительская организація, нашъ заканчивающійся постройкою техникумъ,—все это разумѣется не умопомрачительное богатство, хотя, быть можетъ, Сербія немногимъ болѣе богата въ этой области. Но важно и знаменательно то, что помимо *еврейскихъ*, во всей странѣ *нѣтъ* вообще ни единой средней школы европейскаго типа, ни единой семинаріи, ни единой агрономическій школы и т. д,—не говоря уже о техникумѣ или учительской организаціи. Еще юны наши попытки насажденія въ Палестинѣ театра, народныхъ аудиторій, лекцій; еще много трудовъ будетъ стоить превращеніе нашихъ яффскихъ и іерусалимскихъ музыкальныхъ курсовъ въ консерваторіи европейскаго типа. Но евреи—*первые и единственные*, кто вообще заняты насажденіемъ въ странѣ театра, организацiей аудиторій, созданіемъ музыкальныхъ учрежденій и т. д.

И на какую область палестинской жизни вы ни обратите свой взоръ,—всюду вамъ бросится въ глаза та же картина. Статистически, абсолютно созданное евреями укладывается мѣстами въ среднія, мѣстами въ скромныя рамки.

Но относительно, sub specie futuri, все сдѣланное ими—сѣмена на дѣвственную почву, богатые всходы которыхъ частью еще въ грядущемъ. Ибо во всемъ и вездѣ они здѣсь—прокладыватели новыхъ дорогъ, открыватели давно забытыхъ родниковъ, единственные творцы новыхъ формъ жизни, общественности и дѣятельности. Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ не для молитвы и умиранія, а для труда и обновленія вступилъ сынъ стараго народа на старую родину. Но за эти немногіе годы онъ явилъ странѣ зрѣлище колонизатора-культуртрегера въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Еврейскій народъ въ лицѣ своего творческаго авангарда результатами годовъ піонерской работы оправдалъ свои притязанія на Палестину и ярко демонстрировалъ передъ глазами другихъ неуклонность и зиждительную силу своей національной воли.

Но помимо единодушія нашей народной воли, помимо неоспоримости нашихъ историческихъ правъ на Палестину,

помимо нашихъ несомнѣнныхъ и значительныхъ реальныхъ интересовъ въ этой странѣ, помимо, наконецъ, доказательства крупной полезности нашей цѣнной колонизаторской дѣятельности, мы должны еще дать себѣ и другимъ отвѣтъ на „вопросъ вопросовъ": лежитъ ли осуществленіе историческаго идеала еврейскаго народа на линіи интересовъ тѣхъ, кто послѣ войны будутъ призваны рѣшать судьбы міра?

VI.

Каковы тѣ факторы внѣ еврейства, на которые мы въ извѣстной степени можемъ разчитывать? Лежатъ ли наши національныя стремленія на линіи—если не прямыхъ, то косвенныхъ—интересовъ окружающихъ насъ народовъ?

Въ сущности, на этотъ вопросъ давно уже данъ отвѣтъ тѣмъ, кто впервые рѣзко подчеркнулъ международный характеръ еврейской проблемы. Прочтите статьи и рѣчи Теодора Герцля, воскресите въ памяти его анализъ положенія еврейства въ „Iudenstaat",—и только теперь, въ эти дни, вы почувствуете всю геніальную прозорливость его прогноза судебъ еврейскаго народа. Ибо то, что тогда, 15—20 лѣтъ тому назадъ, казалось необоснованно-тенденціознымъ преувеличеніемъ ослѣпленной партійной идеологіи, теперь превращено дѣйствительностью въ никѣмъ уже не оспариваемый житейскій трюизмъ.

Абстрагируйте отъ наиболѣе уродливыхъ и потому—будемъ надѣяться—преходящихъ проявленій Iudennoth въ такихъ дикихъ и варварскихъ формахъ, какъ въ Румыніи или ей подобныхъ странахъ. Возьмите „еврейскій вопросъ" въ его болѣе общемъ и универсальномъ проявленіи, прослѣдите роль этого вопроса въ жизни Европы за послѣднюю четверть вѣка,—и вы увидите, какъ шагъ за шагомъ, годъ за годомъ, сбывался тотъ діагнозъ еврейской проблемы, который въ свое время такъ сжато и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ проникновенно былъ намѣченъ въ „пессимистической" концепціи Герцля.

Еврейскій вопросъ—заноза въ національно государственныхъ организмахъ Европы. Такова печальная, съ каждымъ годомъ все безжалостнѣе раскрывающаяся передъ нашими и чужими глазами, правда. Вопросъ о *причинахъ*, въ сущности, имѣетъ лишь теоретическое значеніе. Ихъ сотни,—

и каждая изъ нихъ неустранима, доколѣ существуетъ причина всѣхъ причинъ, первоисточникъ всѣхъ несчастій: *голусъ*. Пусть, какъ стараются доказать одни, еврейскій вопросъ—результатъ столкновенія исключительно экономическихъ интересовъ; но этотъ антагонизмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ ожесточеннѣе раскрываетъ свои когти; и именно XX-ый вѣкъ явился свидѣтелемъ вакханаліи польскаго бойкота. Пусть, какъ думаютъ другіе, сущность еврейской проблемы—въ національномъ моментѣ; но именно за послѣднія десятилѣтія до небывалой чувствительности утончилось національное чувство народовъ; и именно наше поколѣніе горше горькаго, унизительнѣе унизительнаго испытало на себѣ всю двойственность и уродливую аномалію положенія еврея въ инонаціональной культурѣ арійскихъ народовъ. Пусть въ инстинктивной Abneigung къ еврею, какъ утѣшаютъ себя наши оптимисты, таится значительная доля вліянія вѣковыхъ, унаслѣдованныхъ предразсудковъ; но—увы!—эти предразсудки и не думаютъ умирать отъ свѣта прогресса, они лишь мѣняютъ форму, облекаются въ модныя одежды вѣка, маскируются „научностью" Чемберленовъ и ему подобныхъ, воскресаютъ въ видѣ новыхъ, приспособленныхъ къ моменту, вполнѣ „модерныхъ" навѣтовъ, вселяющихъ вѣру къ себѣ даже въ сердца редакторовъ „Times'a". Ибо, быть можетъ, ни на комъ не оправдались такъ ярко эти мѣткія слова Стриндберга, какъ въ отношеніи къ евреямъ: „люди топятъ свои предразсудки, какъ хотятъ, съ камнемъ на шеѣ, но лишь только веревка сгниваетъ,—трупы всплываютъ на поверхность".

Бациллы еврейской проблемы въ XX-мъ вѣкѣ гораздо вирулентнѣе, чѣмъ въ прежнія времена. И именно потому, что человѣчество переросло уже прежніе варварскіе методы леченія, вопросъ о радикальномъ разрѣшеніи этой проблемы—одинъ изъ наиболѣе актуальныхъ въ ряду національныхъ вопросовъ нашего времени. Говоря объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, ослабленіи голуса, мы безо всякаго самообмана, безо всякаго преувеличенія въ правѣ сказать Европѣ: et tua res agitur! Да, дѣло касается не только насъ, но и *ихъ*. Милліоны человѣческихъ жизней, милліарды народныхъ денегъ отданы въ жертву молоху войны въ надеждѣ на лучшее будущее послѣ міро-

вего поединка. Пусть это будущее рисуется каждому государству грубо-эгоистически, какъ удовлетвореніе прежде всего *его* вожделѣній. Но одинъ интересъ—общій для нихъ всѣхъ, одно объединяетъ ихъ всѣхъ безъ исключенія: это боязнь передъ возможностью повторенія національныхъ треній, настойчивое стремленіе разрѣшить всѣ наболѣвшіе и мучащіе вопросы, рѣшимость такъ переустроить физіономію міра, чтобы по возможности всѣ національныя проблемы, тормозящія нормальную жизнь современной Европы, были кореннымъ образомъ разрѣшены. Серьезное учитываніе національнаго момента—основной факторъ международной политики нашихъ дней.

Конечно, между еврейскимъ вопросомъ и, скажемъ, армянскимъ или албанскимъ—громадное внѣшнее различіе. Изъ-за еврейскаго вопроса нечего опасаться какихъ-либо международныхъ политическихъ осложненій. Но *внутренне* —за небольшими исключеніями — каждый изъ народовъ Европы прямо или косвенно заинтересованъ въ томъ, чтобы въ часъ хиругическаго излеченія всѣхъ застарѣлыхъ національныхъ болѣзней былъ разрубленъ и многовѣковый Гордіевъ узелъ еврейскаго вопроса.

Для той державы, которой послѣ войны будетъ принадлежать Палестина, евреи, заселяющіе эту полупустую, мало культивированную страну,—наиболѣе подходящій и наименѣе опасный колонизаторъ. Для тѣхъ государствъ, которыя обладаютъ относительно большимъ количествомъ еврейскихъ подданныхъ,—перспектива созданія еврейскаго центра въ Палестинѣ таитъ въ себѣ наиболѣе вѣрный источникъ постепеннаго ослабленія больной остроты еврейскаго вопроса. Для государствъ еврейской иммиграціи, съ опасеніемъ взирающихъ на непрерывный подъемъ еврейской переселенческой волны,—Палестина, какъ новый резервуаръ для этой иммиграціи, лучшая гарантія противъ чрезмѣрнаго переполненія ихъ еврейскими массами. Даже болѣе того. Язва государственнаго антисемитизма, ограничительныя мѣры противъ еврейскихъ иммигрантовъ въ Англіи и Америкѣ,—все это только тогда и сможетъ наиболѣе безболѣзненно и быстро исчезнуть, когда изъ года въ годъ все болѣе разростающаяся *еврейская Палестина* оздоровитъ психику окружающихъ насъ народовъ сознаніемъ уменьшенія пуга-

вшей ихъ опасности „перегруженія евреями", когда *опочвившійся* на старой родинѣ *еврейскій коллективъ* явится наиболѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ противоядіемъ противъ исконнаго инстинктивнаго недовѣрія и антипатіи народовъ-обладателей территорій къ народу-привидѣнію, народу-исключенію.

Наконецъ, для тѣхъ государствъ, которыя—подобно Италіи или отчасти Франціи—непосредственно не заинтересованы въ радикальномъ рѣшеніи еврейской проблемы, это рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, ни съ какой стороны не представляетъ какого-либо ущерба ихъ интересамъ. И при умѣломъ направленіи подготовительной работы популяризаціи нашихъ стремленій, и эти „нейтральныя" въ еврейскомъ вопросѣ страны не преминутъ сдѣлать красивый жестъ согласія на актъ справедливости по отношенію къ наиболѣе угнетенному народу земли.

Тѣмъ болѣе, что мы, вѣдь въ сущности, требуемъ столь немногаго. Мы требуемъ, чтобы международный ареопагъ, говоря о всѣхъ народахъ міра, не забылъ о еврейскомъ народѣ. Мы требуемъ, чтобы, при обсужденіи ближневосточной проблемы, не была забыта наша культутрегерская и колонизаторская роль въ Палестинѣ, которая нуждается въ обильномъ приливѣ колонизаціоннаго элемента, которую мы хотимъ и сможемъ заселить и возродить, если нашему возвращенію въ историческую родину не будутъ ставить препятствій. Мы требуемъ, чтобы, исходя изъ полезности разрѣшенія еврейской проблемы, насъ поставили въ этой странѣ въ такія условія, при которыхъ процессъ еврейской колонизаціи въ ней свершался бы съ максимумомъ быстроты и съ минимумомъ задержекъ и помѣхъ. Мы требуемъ, чтобы, для блага еврейскаго народа, намъ дали возможность создать въ Палестинѣ еврейскій внутренне-автономный коллективъ.

Мы не ждемъ чуда. Мы не ждемъ внезапной манны съ небесъ международной „справедливости". Но мы глубоко взглянули въ глаза дѣйствительности внутри и внѣ еврейства,—и на томъ, что мы увидѣли въ этой дѣйствительности, строимъ мы наши выводы и наши ожиданія. Конечно, само собою ничто не свершается. Много большой и сложной работы передъ тѣми изъ насъ, въ чьи руки

народъ вручилъ руководство сіонистскимъ движеніемъ. Использовать и объединить всѣ силы внутри еврейства, разкрыть глаза европейской общественности и прессы на значеніе и характеръ нашихъ стремленій, вести широкую дипломатическую работу, сдѣлать еврейско-палестинскую проблему одною изъ темъ политическаго момента,—такова та громадная подготовительная работа, которая стоитъ передъ нами и требуетъ отъ насъ всей грандіозности размаха первыхъ годовъ политическаго сіонизма.

Съ вѣрой и бодростью вступаемъ мы въ эту новую эру нашей работы. Ибо все яснѣе и яснѣе, на нашихъ глазахъ, сходятся къ одной вершинѣ всѣ безчисленныя дорожки, всѣ кривыя и запутанныя тропинки голуса. И у *насъ* и у *нихъ* все ярче и ярче пробивается сознаніе необходимости исхода еврейства изъ тупика безпочвенности. И мы вѣримъ: не тщетнымъ, заглушеннымъ песками пустыни, воплемъ раздастся теперь призывъ къ соединенію народа безъ страны со страною безъ народа, а гулкій и громкій откликъ найдетъ этотъ призывъ и внутри и извнѣ.

Максъ Нордау.

Еврейская проблема.

Больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я поднялъ свой голосъ—голосъ слабый самъ по себѣ, но нашедшій сильный откликъ въ акустическихъ условіяхъ переживаемаго времени: я заклиналъ еврейскій народъ вспомнить о своемъ долгѣ по по отношенію къ самому себѣ и исполнить его.

Я призывалъ и побуждалъ еврейство организоваться во всѣхъ мѣстахъ его поселенія къ предстоящему конгрессу мира и готовиться къ избранію—когда наступитъ нужный моментъ—своихъ представителей, которые явятся его защитниками передъ собравшимися дипломатами. Я предложилъ резюмировать требованія еврейскаго народа въ слѣдующей программѣ:

Полное равноправіе евреевъ во всѣхъ странахъ не только на бумагѣ, но и въ жизни. Ибо теперь вѣдь имѣются страны, въ которыхъ конституція ясно и категорически устанавливаетъ равноправіе всѣхъ гражданъ и тѣмъ не менѣе тамъ систематически урѣзываютъ евреевъ въ правахъ и не назначаютъ ихъ ни офицерами, ни на государственныя должности, ни профессорами, ни даже почтальонами и желѣзнодорожными сторожами.

2) Во всѣхъ странахъ, въ которыхъ живетъ разноплеменное населеніе, и евреи составляютъ значительную часть населенія должны быть признаны еврейскія національныя права,—если того пожелаютъ сами евреи—при чемъ за евреями должны быть признаны всѣ тѣ политическія и культурныя права, которыя въ данной странѣ предоставлены всѣмъ остальнымъ націямъ, считающимъ себя отдѣльными національными коллективами.

3) Тѣмъ евреямъ, которые хотятъ зажить собственною жизнью въ качествѣ отдѣльной національной группы, должно быть предоставлено право устроиться въ Палестинѣ, пріобрѣтать тамъ землю, безпрепятственно поселяться въ странѣ, при чемъ имъ должно быть представлено самоуправленіе подъ суверенитетомъ того государства, которому будетъ принадлежать Палестина.

Я удостоился того, что голосъ мой былъ услышанъ во всѣхъ странахъ, гдѣ имѣются значительные еврейскіе центры Различныя организаціи—давно уже существующія или спеціально для этой цѣли основанныя—стали заниматься этимъ вопросомъ и приняли рѣшеніе подготовить и организовать національное представительство еврейскаго народа къ предстоящему мирному конгрессу. Конференціи, состоявшіяся въ Сѣверной Америкѣ, въ Аргентинѣ, Бразиліи, Англіи, Италіи и Швейцаріи высказались за мою программу. Единственный пунктъ, который вызвалъ нареканія со стороны евреевъ болѣе слабыхъ и робкихъ духомъ, это третій пунктъ. Противъ него возражали, что онъ вноситъ „партійность" въ міровую войну, этотъ пунктъ будто-бы имѣетъ предпосылкой увѣренность, что центральныя европейскія державы будутъ побѣждены въ войнѣ, что Турція потерпитъ полное пораженіе и Палестина окажется въ рукахъ новыхъ властителей.

Этотъ пунктъ программы, который встрѣтилъ возраженія, ничего общаго не имѣетъ съ подобными предпосылками. Онъ вообще не касается вопроса о суверенитетѣ надъ Палестиной. Онъ наоборотъ даетъ обезпеченіе, что еврейскій народъ будетъ соблюдать вѣрность по отношенію къ суверенной власти страны и исполнять ея законы.

Еврейскій народъ, какъ таковой, не можетъ стать на чью бы то ни было сторону въ этой міровой войнѣ. Его разсѣяніе среди народовъ дѣлаетъ это недопустимымъ.

Каждый единичный еврей желаетъ побѣды своей родины и онъ учавствуетъ всѣми силами и способностями въ этой работѣ для ея побѣды. Евреи въ центральныхъ странахъ имѣютъ, конечно, возможность свободно опредѣлить свои симпатіи согласно своему чувству справедливости и слѣдуетъ предполагать, что симпатіи нейтральныхъ евреевъ, не затронутыхъ партійностью, соотвѣтствуютъ естествен-

нымъ и настоящимъ чувствамъ всего еврейскаго народа, и они указываютъ на ту позицію, которую весь еврейскій народъ занималъ бы въ этой войнѣ, если бы онъ былъ объединенъ, организованъ и независимъ.

Еврейство предано опредѣленнымъ принципамъ и идеаламъ. Оно хочетъ *мира*. Его слово привѣта и теперь, какъ и три тысячелѣтія тому назадъ,—„миръ". Его древній пророкъ Исаія пророчествовалъ о днѣ, когда перекуютъ народы мечи свои въ плуги и будетъ жить волкъ съ ягненкомъ.

Оно хочетъ *любви*. Тотъ же пророкъ томился по дню, когда все человѣчество будетъ объединено въ единое стадо съ единымъ пастыремъ, а Гилель сводилъ все еврейское ученіе къ принципу: „Что тебѣ непріятно, не дѣлай другому".

Оно хочетъ *справедливости*. Еврейство всегда ставило справедливость выше всѣхъ мірскихъ интересовъ и даже интересовъ своей родины. Одинъ изъ его пророковъ провозгласилъ: „горы сдвинутся и холмы поколеблются, но слово Божіе останется незыблемымъ". Слово Божіе—это справедливость. Еврейство возстанетъ противъ всякаго, кто нарушаетъ миръ для своей пользы, и оно становится на сторону того, кто защищаетъ дѣло справедливости.

У еврейскаго народа хорошая память. Онъ донынѣ съ благодарностью вспоминаетъ Кира и Александра Великаго, дѣлавшихъ ему добро, и проклинаетъ память Антіоха Эпифана и Тита, котораго иные называютъ усладой человѣчества, Амана, жестокаго министра царя Артаксеркса, Торквемаду и др., которые причинили ему зло столѣтія и тысячелѣтія тому назадъ.

Еврейскій народъ не забываетъ, кто изъ народовъ новаго времени относился къ нему хорошо и справедливо и кто изобрѣлъ новыя формы антисемитизма, но я повторяю свои слова: Еврейскій народъ, какъ нація, не можетъ теперь избрать себѣ національную политику, которая соотвѣтствовала бы его глубочайшимъ чувствамъ. Каждый еврей самъ по себѣ постоянно исполняетъ свой гражданскій долгъ. Еврейскій народъ, какъ таковой, стоитъ внѣ двухъ лагерей и онъ имѣетъ возможность придти къ мирному конгрессу со своими требованіями съ открытыми глазами и спокойнымъ лицомъ. Я долженъ признать: во многихъ странахъ подготовительная работа для созданія національнаго представи-

тельства еврейскаго народа носитъ еще слабый и временный характеръ. Только въ Сѣверной Америкѣ эта работа дѣлается энергично и увѣренно. И это я и предсказывалъ и этого ожидалъ.

Три милліона евреевъ Сѣверной Америки живутъ въ странѣ свободы и активности. И они многому научились отъ окружающей ихъ среды. Они научились отъ своихъ нееврейскихъ сосѣдей полагаться на свои собственныя силы. Кромѣ того они одарены вождями типа Брандейса, недавно возведеннаго президентомъ Вильсономъ на постъ члена Верховнаго Суда. Евреи Соединенныхъ Штатовъ находятся теперь въ состояніи организаціи. Они подготовляютъ свой конгрессъ. По своему числу, по своей энергіи, своему пониманію общественныхъ задачъ, своимъ средствамъ и многимъ другимъ обстоятельствамъ они въ состояніи стать представителями еврейской націи. И я также надѣюсь, что народъ и правительство Соединенныхъ Штатовъ окажутъ имъ въ этомъ дѣлѣ доброжелательную и активную помощь.

При такомъ положеніи мы можемъ надѣяться, что однимъ изъ результатовъ этой жестокой войны будетъ желательное разрѣшеніе еврейской проблемы, можетъ быть только болѣе хорошее и многообѣщающее начало въ этомъ направленіи. И если Богъ намъ поможетъ въ этомъ, не напрасно тогда сражались, проливали свою кровь, и умирали семьсотъ тысячъ еврейскихъ воиновъ, находящихся нынѣ въ траншеяхъ на поляхъ сраженій.

Мадридъ.

Д. Пасманикъ.

Міровая война и Палестина.

I.

Съ международной точки зрѣнія не существуетъ спеціально палестинской проблемы. Вопросъ идетъ объ Азіатской Турціи вообще. Въ чемъ же заключается сущность вопроса? Припомнимъ, что одна Анатолія равняется по своему пространству Франціи; вся же Азіатская Турція обнимаетъ пространство, равное Англіи, Франціи, Германіи и Австро-Венгріи, вмѣстѣ взятымъ. А между тѣмъ, вся Азіатская Турція имѣетъ всего лишь 20 милліоновъ обитателей. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что рѣчь идетъ о захватѣ этой огромной области для колонизаціи ея людьми. Ни Англія, ни Франція, ни даже Германія не имѣютъ достаточно людей для своихъ уже наличныхъ колоній. Европейскіе народы борются исключительно за колонизацію капиталовъ и за рынки для сбыта своихъ товаровъ. Это одно уже доказываетъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ этой борьбы, она нисколько не затрагиваетъ нашей еврейской колонизаціи Палестины. Ибо спорятъ изъ-за земель не *для колонистовъ, а для колонизаторовъ.* Все время варьируется одна и та же тема: богатѣйшая область одарена всѣми естественными богатствами, но турки не способны использовать эти богатства, а подъ управленіемъ европейской державы Азіатская Турція была бы призвана къ величайшему развитію; причемъ, понятно, каждая изъ борющихся державъ считаетъ себя наиболѣе призванной сдѣлаться спасительницей этого богатаго края. Весь вопросъ сводится къ тому, какая держава захватитъ въ свои руки возможность влiять на развитіе этого края въ свою пользу. Постольку державы интере-

суются и Палестиной. И въ отчетахъ консуловъ и въ сообщеніяхъ колоніальной прессы мы встрѣчаемъ указанія на экономическую будущность Палестины. Доходитъ до того, что въ англійской прессѣ (The Standart) появлялись открытыя письма съ упреками по адресу правительства, что оно ничего не дѣлаетъ для завоеванія палестинскаго рынка, для каковой цѣли было иредложено проведеніе желѣзной дороги отъ Портъ-Саида до Яффы и Хайфы.

Но именно въ виду страшной конкуренціи между державами нелегко было разрѣшить такъ называемый „восточный вопросъ". Ибо здѣсь передъ нами выступаетъ міровая проблема. Кто владѣетъ Азіатской Турціей и при этомъ развиваетъ ея экономическую потенціальную энергію, тотъ владѣетъ судьбами по меньшей мѣрѣ трехъ материковъ: Азіи, Европы и Африки. Это теперь стало аксіомой во всемъ культурномъ мірѣ. Поэтому борьба за вліяніе на ближайшее развитіе Азіатской Турціи занимала столь значительное мѣсто въ дипломатіи всѣхъ европейскихъ державъ. Но поэтому же долгое время борьба не доводилась до конфликта, размѣры котораго мы наблюдаемъ теперь. Пытались избѣгнуть конфликта вполнѣ раціонально, изъ-за страха столкновенія между конкурирующими европейскими державами. Всѣ державы предлагали Турціи оставаться нейтральной и заняться развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ, превративъ свои необъятные пустыри въ культурныя земли и установивъ правильно функціонирующую государственную машину. Тогда державы гарантировали цѣлостность Оттоманской имперіи. Какъ создался этотъ принципъ, выяснилъ въ свое время *Рене Пинонъ*. Онъ вмѣстѣ со многими другими писателями выяснилъ, что будущее Турціи зависитъ отъ нея самой, отъ ея способности превратиться въ федеративное государство свободно развивающихся національностей. Но тогда же онъ высказалъ сомнѣніе насчетъ способности младотурокъ произвести радикальную реформу государственнаго строя страны. При этомъ Пинонъ не скрывалъ своихъ мотивовъ. „Разложеніе Оттоманской имперіи, писалъ онъ, было бы гибельно для нашихъ (французскихъ) интересовъ. Если бы даже при раздѣлѣ мы заняли Сирію, мы въ одинъ прекрасный день были-бы сдавлены германской имперіей въ Анатоліи и англійской имперіей въ Египтѣ и Аравіи. *Къ*

счастью, всѣ державы стремятся къ переустройству турецкой имперіи въ Азіи". Почти дословно то же самое повторяетъ другой французскій публицистъ, *Шерадамъ*. Одна изъ турецкихъ газетъ еще въ 1914 году ясно формулировала, какъ европейскія державы намѣтили свои сферы вліянія въ Азіатской Турціи. „Германія себѣ отрѣзала львиную долю нашихъ азіатскихъ владѣній. Она захватила нашу армію въ свои руки, и постройка принадлежащей ей Багдадской желѣзной дороги позволила ей завладѣть сердцемъ Турціи (т. е. Анатоліей)... Россія довольствуется покамѣсть Арменіей... Англія стремится къ югу, она желаетъ соединить Персидскій заливъ съ Египтомъ, для чего ей нужно завладѣть Аравіей... Франція избрала себѣ Сирію... Италія бросила свои взоры на Киликію". Но спасеніе въ реформахъ. „Надо не только предложить реформы, но и примѣнить ихъ на дѣлѣ". И какъ извѣстно, турки намѣтили обширный планъ реформъ административнаго, политическаго и экономическаго характера.

Такимъ образомъ, казалось, что конфликтъ можетъ быть избѣгнутъ. На самомъ дѣлѣ вышло иначе. Во-первыхъ, младотурки оказались не только недальновидными государственными дѣятелями, но просто плохими администраторами. Они не могли разрѣшить національной проблемы, что привело къ потерѣ Европейской Турціи, они не создали условій для экономическаго возрожденія Малой Азіи и не могли удержаться на почвѣ строгаго нейтралитета, что привело теперь къ турецкому вмѣшательству въ настоящую войну. Съ другой стороны, европейскія державы не доросли до идеи международной кооперацiи.

Настоящая война, между прочимъ, рѣшаетъ споръ о владѣніи Востокомъ. И если турецкая проблема не будетъ окончательно ликвидирована, то это произойдетъ потому, что между вѣроятными побѣдителями нѣтъ полной гармоніи во взглядахъ на восточную проблему. Это докажетъ недалекое будущее. Англія боится Германіи. Но она боится всякаго другого конкурента и въ Средиземномъ морѣ, и въ Персидскомъ заливѣ, и въ Суэцкомъ каналѣ. И Россія и Франція заинтересованы въ томъ, чтобы Средиземное море было свободно для всѣхъ. Тройственное согласіе исходитъ главнымъ образомъ изъ слѣдующей цѣли: не допустить германской гегемоніи въ Турціи, т. е. германской монополіи въ

Азіи. Но пе больше. И слова Прессансе, написанныя имъ незадолго до его смерти, являются прямо пророческими: „послѣдствія раздѣла Турціи будутъ гораздо болѣе гибельными, чѣмъ послѣдствія раздѣла Польши“. Однако, почти одновременно съ этими заявленіями соціалиста-дипломата, другая очень освѣдомленная французская газета писала: „La Succession turque est ouverte“ (турецкое наслѣдство открыто). Чтобы понять это противорѣчіе, надо стать на точку зрѣнія жизненной дѣйствительности: никакое государство не имѣетъ права оставаться некультурнымъ. Нельзя въ нашъ вѣкъ оставлять сотни тысячъ квадратныхъ миль невоздѣланными, не приносящими пользу всему человѣчеству. Кто расточительно растрачиваетъ *свое* имущество, нуждается въ опекунѣ. Въ данномъ случаѣ, однако, вопросъ чрезвычайно осложняется тѣмъ, что опекунъ представленъ многоголосой и внутренне противорѣчивой компаніей. Поэтому можно предположить, что Турція послѣ войны получитъ опекуновъ, будетъ, быть можетъ, ампутирована въ своихъ пограничныхъ областяхъ и въ своихъ островахъ, не не перестанетъ существовать, какъ государственная единица.

II.

Всѣ эти соображенія были нами приведены для уясненія возможнаго политическаго будущаго *Палестины*. Но здѣсь борьба державъ усложняется еще религіозно-культурной проблемой, маскирующей зачастую политическія тенденціи. Для лучшаго пониманія этой борьбы мы разсмотримъ всю Сирію цѣликомъ, причемъ мы подъ Сиріей понимаемъ береговую полосу, омываемую Средиземнымъ моремъ, имѣющую въ длину около 800 и въ ширину около 200 километровъ и простирающуюся отъ Тавра на сѣверѣ до Египта на югѣ. Сѣверная Сирія имѣетъ своимъ центромъ Алеппо, центральная—Бейрутъ и Дамаскъ, а южная и есть Палестина. Населеніе состоитъ изъ мусульманъ различныхъ сектъ—около 1.900.000 душъ, христіанъ различныхъ сектъ—около 800.000, изъ коихъ больше половины католиковъ, евревъ около 200.000 душъ, нозаировъ или ансаріе—200.000, друзовъ—150.000. Европейскія державы, понятно, связаны съ христіанскимъ населеніемъ. И такъ какъ большинство сирійскихъ христіанъ—католики, долгими вѣками находящіеся подъ протекторатомъ Франціи, то французское вліяніе

въ Сиріи могущественно. И надо отдать справедливость французскимъ монахамъ во главѣ съ іезуитами—они очень много сдѣлали для распространенія французской культуры въ Сиріи: теологическія высшія школы въ Іерусалимѣ, университетъ въ Бейрутѣ (Université Saint-Ioseph) и огромное количество среднихъ и высшихъ школъ. Одинъ нѣмецкій изслѣдователь признается, что нѣмецкія школы посѣщаются всего 3—4000 учащимися, въ то время, какъ англо-американскія училища насчитываютъ 50.000, а французскія — 80.000 учащихся. На ряду съ этимъ французскіе монахи, при полной поддержкѣ республиканскаго правительства, создали цѣлый рядъ больницъ, амбулаторій, сиротскихъ институтовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій. Но католицизмъ не властвуетъ безраздѣльно: онъ имѣетъ конкуррентовъ — прежде всего въ лицѣ англо-американскаго протестантизма. Послѣдній имѣетъ свой медицинскій факультетъ въ Бейрутѣ, онъ устроилъ въ Сиріи около 65 профессіональныхъ училищъ, гимназіи (колледжи) и первоначальныя училища. Англо-американскіе миссіонеры имѣютъ въ Сиріи 17 госпиталей и 38 амбулаторій. Очень серьезный конкуррентъ католицизма—православіе, которое опирается не столько на грековъ, сколько на Россію. А новѣйшій конкурентъ—германскій протестантизмъ.

Самымъ лучшимъ доказательстоомъ того, что и въ религіозной области политика играетъ большую роль, чѣмъ идеологія, является упорная борьба внутри религій въ соотвѣтствіи съ дѣленіями по государствамъ. Италія и Германія добивались и отчасти добились того, что Франція не является болѣе протекторомъ всѣхъ католиковъ. Германскіе протестанты не имѣютъ ничего общаго съ англійскими и американскими, а греки далеко не ладятъ съ русскими. Ибо на самомъ дѣлѣ всѣ эти школы, госпитали и миссіи преслѣдуютъ ту же цѣль, что и концессіи на желѣзныя дороги. Сиріецъ, воспитавшійся во французской школѣ, является кліентомъ французской индустріи и сочувствуетъ французской политикѣ, а воспитанникъ нѣмецкой школы клонитъ въ сторону Германіи. Здѣсь, въ Сиріи и Палестинѣ, исчезаютъ всѣ оффиціальные альянсы. Недавно еще оффиціальный органъ французскихъ католиковъ писалъ: „Россія, наша союзница на западѣ, является нашимъ дѣйствитель-

нымъ врагомъ на Востокѣ". Я не забываю, что споры между монахами не составляютъ еще государственной политики. Но въ этихъ спорахъ выступаетъ ясно то, что дипломатія считаетъ нужнымъ прикрывать или замалчивать.

Французское вліяніе въ Сиріи и спеціально въ Палестинѣ парализуется отчасти Германіей. 29-го октября 1898 года Вильгельмъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ и съ тѣхъ поръ нѣмцы усилились въ этомъ краѣ. Они не довольствуются школами, а устроили банкъ—Deutsche Palaestina Bank,—который долженъ послужить экономическому завоеванію страны. Прибавимъ къ этому, что съ 1912 г. въ Средиземномъ морѣ находилась цѣлая германская эскадра, которая должна была внушить жителямъ Сиріи яркое представленіе о германской силѣ.

Но самымъ сильнымъ конкуррентомъ Франціи въ Сиріи является ея нынѣшняя союзница—Англія. Собственно, широкая публика не имѣетъ даже представленія о силѣ англійскаго вліянія въ Сиріи. Отмѣтимъ прежде всего, что культурная дѣятельность американскихъ миссіонеровъ въ Сиріи тоже укрѣпляетъ англійское вліяніе, ибо сиріецъ тонкостей не знаетъ: для него все, говорящее по-англійски—Англія. Но главнѣйшій источникъ англійскаго вліянія—сосѣдство Египта. Сирійскіе нотабли часто бываютъ въ Каирѣ и Александріи и могутъ воочію сравнить экономическое и культурное состояніе Египта и Сиріи. Благодаря этому, у арабовъ Сиріи, не говоря уже о маронитахъ и друзахъ, все болѣе укрѣпляется одна идея: ангійскій протекторатъ. Въ то время, какъ алжирскіе арабы распространяютъ въ Сиріи вражду къ Франціи, египетскіе и индусскіе мусульмане крѣпко защищаютъ Англію. Египетскіе журналы „Mokattam“ и „Moayad“ непрерывно проповѣдуютъ арабамъ любовь къ Англіи и ненависть къ Франціи, на что французская печать неоднократно жаловалась. И не надо быть большимъ дипломатомъ, чтобы понять, какое значеніе имѣетъ Палестина для Англіи. Суэцкій каналъ и путь въ Индію—два столпа англійскаго могущества. Поэтому Англія поспѣшила въ настоящей войнѣ высадить свои войска въ Шатъ-Эль-Арабѣ у Персидскаго залива и въ Аравіи. Да и вся война имѣетъ одинъ основной смыслъ для Англіи: уничтожить нѣмецкій характеръ Багдадской желѣзной дороги, которая задумана,

какъ магистраль, соединяющая Константинополь съ Персидскимъ заливомъ, т. е. съ Индіей. Но тѣ же причины заставляютъ англичанъ зорко слѣдить за Палестиной, непосредственно примыкающей къ Египту. Англія не можетъ допустить, чтобы Палестина была въ рукахъ или даже подъ вліяніемъ сильной европейской державы, а особенно Франціи. И поэтому можно съ вѣроятностью сказать, что Палестина или будетъ англійской, или же останется попрежнему въ рукахъ Турціи. И хотя Франція гордится тѣмъ, что всѣ сирійскіе католики находятся подъ ея протекторомъ, она не можетъ противодѣйствовать Англіи тамъ, гдѣ послѣдняя защищаетъ свои жизненные интересы.

III.

Съ сіонистской точки зрѣнія, сосредоточенной на Палестинѣ, восточная проблема имѣетъ огромное, *хотя и не рѣшающее*, значеніе. Но эта проблема не рѣшается выясненіемъ хозаинтересованности европейскихъ державъ въ ней. Мы хотимъ жить и мирно творить въ Палестинѣ, а не завоевывать ее съ оружіемъ въ рукахъ. Мы должны помнить, что рѣчь идетъ о странахъ, хотя и рѣдко населенныхъ, но все же обитаемыхъ людьми, представляющими реальную общественную силу и руководящимися опредѣленными интересами. Насъ интересуютъ въ первую голову арабы. Какъ *они* относятся ко всякимъ возможностямъ политическаго характера, каковы ихъ треборанія и чаянія?

Въ публикѣ распространены довольно упрощенныя, а потому крайне невѣрныя представленія о такъ наз. арабскомъ движеніи. Принято говорить о томъ, что арабы требуютъ національно-культурную автономію по примѣру національныхъ меньшинствъ европейскихъ странъ. Это невѣрно.

Прежде всего, нѣтъ единаго арабскаго движенія Между арабами Геджаса, Ассира и Іемена, съ одной стороны, и арабами Мессопотаміи или Сиріи, съ другой стороны, нѣтъ ничего общаго, нѣтъ и не можетъ быть. Аравійскіе арабы организованные въ самостоятельные эмираты и пользовавшіеся и раньше фактически автономіей, заключавшіе самостоятельные договоры съ державами, особенно съ Англіей, нынѣ послѣ возстанія провозгласили свою независимость. Точно также арабы Ирака и вообще Мессопотаміи почти вполнѣ самостоятельны, при чемъ они, какъ и въ Аравіи

не объединены въ одну „націю“. Каждый родъ, каждыи кланъ дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ. Багдадская желѣзная дорога, можетъ быть, и сломила-бы упорство мессопотамскихъ арабовъ, но теперь судьба этой дороги можетъ измѣниться. Въ рукахъ Англіи Багдадскій путь дастъ другіе результаты, чѣмъ въ рукахъ нѣмцевъ,

Что касается сирійско-арабскаго движенія, надо замѣтить прежде всего, что вся европейская пресса валитъ въ одну кучу христіанскихъ сирійцевъ и въ подавляющемъ большинствѣ мусульманскихъ арабовъ. Вѣрно, что въ 1913 г. состоялся въ Парижѣ конгрессъ, въ которомъ участвовали сирійцы и арабы, Но ихъ единеніе основано на отрицательномъ отношеніи къ политикѣ младотурокъ, и не больше. Это сирійско-арабское движеніе имѣетъ слѣдующую исторію. Въ концѣ 1912 г. вали Бейрута телеграфировалъ въ Константинополь, что населеніе очень недовольно положеніемъ вещей и готово обратиться за помощью къ Англіи или къ Франціи. Визирь (Кіамиль-паша) предписалъ представить ему программу требованій. Скоро онъ былъ свергнутъ младотурками, которые въ своемъ ослѣпленіи и слышать не хотѣли о реформахъ, тѣмъ болѣе, что они имѣли огромныя связи среди мусульманскихъ арабовъ. Тогда состоялся сирійско-арабскій конгрессъ въ Парижѣ, и французскій министръ Пишонъ обѣщалъ представившейся ему делегаціи конгресса выступить въ Константинополѣ въ защиту формулированныхъ требованій. Послѣднія состояли въ слѣдующемъ: расширеніе компетенціи мѣстныхъ органовъ самоуправленія; назначеніе европейскихъ совѣтниковъ и инспекторовъ для переустройства всѣхъ органовъ центральной власти; назначеніе нѣсколькихъ арабовъ министрами; сирійскіе рекруты должны служить въ самой Сиріи; и, наконецъ, арабскій языкъ долженъ быть признанъ офиціальнымъ языкомъ во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Эта программа формулируетъ областную, а не національную автономію, ибо между католическимъ сирійцемъ и мусульманскимъ арабомъ нѣтъ сознанія національной общности его и быть не можетъ. Надо помнить, что въ Сиріи и даже въ Палестинѣ мы имѣемъ передъ собой населеніе, представляющее собою невообразимую смѣсь этническихъ и религіозныхъ группъ. Подобная смѣсь исключаетъ идею объ

единой націи. Я нисколько не исключаю возможности, что не въ столь близкомъ будущемъ выкристаллизуется идея объ арабской націи. Но эта идея появится не въ Сиріи, а, вѣроятнѣе всего, въ Египтѣ. Но тогда арабско національная идея приметъ своеобразную окраску, смотря по тому, разовьется-ли она въ согласіи съ турецкой государственностью или съ англійскимъ протекторатомъ.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что и само мѣстное населеніе, поскольку рѣчь идетъ объ арабахъ, видитъ передъ собой два исхода: или возрождающаяся Турція или англійскій протекторатъ.

Таковы въ общихъ чертахъ перспективы восточнаго вопроса вообще и ближайшаго будущаго Палестины. Еврейство, поскольку оно связано съ палестинской колонизаціей, не имѣетъ повода безпокоиться за свое будущее. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, мы сможемъ развивать связь между нашей народностью и между нашей исторической родиной. Но событія требуютъ одного: мы должны быть готовы къ тому моменту, когда зародятся новыя условія для осуществленія нашего историческаго идеала. И прежде всего, намъ необходимо сдѣлать всѣ усилія, чтобы удержать невредимыми пріобрѣтенныя нами позиціи въ Палестинѣ.

Но этого мало. Въ наши времена считаются только съ реальными и организованными силами. И къ тому моменту когда будутъ рѣшаться судьбы народовъ на многіе годы, еврейство должно быть подготовлено, чтобы его голосъ былъ услышанъ, особенно тѣми, которые дѣйствительно заинтересованы въ созиданіи новой жизни. Для инертной общественности мы представляемъ слишкомъ ничтожную силу, съ которою даже разговаривать не хотятъ, которую попросту игнорируютъ. Но для жизнетворящей общественности мы можемъ стать величиною, съ которою будутъ считаться. Мы можемъ—если мы захотимъ.

Я не принадлежу къ тѣмъ оптимистамъ, которые ожидаютъ отъ настоящей войны перерожденія всего человѣчества. Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что послѣ войны появится огромный спросъ на человѣческую энергію, особенно въ примѣненіи къ Востоку. Тогда еврейство, сконцентрировавшее свою энергію на возрожденіи Палестины, будетъ признано желаннымъ сотрудникомъ. И можетъ быть это заставитъ и инертную общественность въ должной мѣрѣ считаться съ нами.

Луи Д. Брандейсъ.

Сіонизмъ.

Принципъ, требующій свободнаго и полнаго развитія отдѣльной индивидуальности и отрицающій слѣпое подражаніе или ассимиляцію, долженъ быть примѣненъ и къ народному коллективу.

У какого народа индивидуальность выражается ярче, чѣмъ у евреевъ? У кого прошлое болѣе благородное, чѣмъ у еврейскаго народа? Чьи соціальныя понятія вылились въ болѣе достойныя формы и чьи характерныя особенности болѣе пригодны для развитія?

Изъ всѣхъ народовъ міра только два крошечныхъ государства содѣйствовали развитію нашей современной цивилизаціи,—греки и евреи. Евреи дали міру его три главныя религіи, уваженіе къ закону и высшую концепцію морали. Наше ученіе о братской любви и справедливости распространилось въ двадцатомъ вѣкѣ на Америку и Зап. Европу подъ именемъ демократизма и соціальной справедливости. Наше понятіе закона воплотилось въ американской конституціи, которая говоритъ о себѣ, что она составляетъ правительство законовъ, а не людей. А нашему другому великому ученію—доктринѣ всеобщаго мира—проложитъ путь эта жестокая война.

Въ то время какъ всѣ народы стараются развиваться, подчеркивая при этомъ свою національность, въ то время, какъ великая война открыла всему міру глаза на значеніе малыхъ національностей, неужели мы сложимъ оружіе передъ антисемитизмомъ, неужели мы вмѣсто того, чтобы разрѣшить вопросъ, покончимъ съ собою жалкимъ самоубій-

ствомъ? Для евреевъ теперь не время впадать въ отчаянье. Начнемъ лучше разъяснять міру, что мы тоже представляемъ собою національность, требующую равныхъ для нея правъ на жизнь и самоопредѣленіе: И неевреи начинаютъ понимать что наше дѣло правое.

Сетонъ Ватсонъ, говоря, о вѣроятныхъ результатахъ войны, сказалъ слѣдующее:

„Есть полное основаніе полагать, что эта война даетъ также новый, здоровый толчокъ еврейской національной политикѣ, что она будетъ способствовать болѣе свободному развитію выдающихся еврейскихъ качествъ, облагодаритъ евреевъ въ томъ отношеніи, что вмѣсто того, чтобы стыдиться своего прошлаго, они будутъ имъ гордиться. Давно уже пора понять евреямъ, что ничто болѣе не содѣйствуетъ развитію антисемитическихъ убѣжденій, какъ именно это ихъ стремленіе выступать подъ чужимъ флагомъ и скрывать свое настоящее лицо. Сіонисты и послѣдовательные націоналисти уже давно снискали себѣ уваженіе и восхищеніе всего міра.

Сіонизмъ является полнымъ развитіемъ націонализма въ самомъ благородномъ и возвышенномъ смыслѣ. Разрѣшите здѣсь выяснить, что представляетъ собою сіонизмъ, или вѣрнѣе, чего онъ не представляетъ собою. Сіонизмъ не есть движеніе, стремящееся переселить всѣхъ евреевъ всего міра въ Палестину. Во-первыхъ, всѣхъ евреевъ въ мірѣ 14 милліоновъ, а Палестина можетъ вмѣстить лишь часть этого числа; во-вторыхъ, сіонизмъ никого не принуждаетъ переселиться въ Палестину. Сіонизмъ стремиться обезпечить за евреями не меньшую, а большую свободу; онъ хочетъ дать евреямъ возможность пользоваться одинаковыми правами съ другими народами и жить по своему желанію въ странѣ своихъ предковъ или въ любой другой. Этимъ правомъ пользуются теперь члены такихъ небольшихъ народовъ, какъ ирландцы, греки, болгары, сербы или бельгійцы ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ германцы или англичане.

Сіонизмъ стремится создать въ Палестинѣ для тѣхъ евреевъ, которые рѣшили тамъ поселиться, правоохраненное убѣжище, гдѣ они могли бы жить полной еврейской жизнью, составить большинство населенія и надѣяться на

полученіе своего „гомруля“. Сіонисты стремятся устроить это убѣжище въ Палестинѣ, потому что они считаютъ безсмертную тоску евреевъ по Палестинѣ факторомъ глубочайшаго значеиія. Въ ней мы видимъ одно изъ проявленій борьбы за существованіе со стороны этого древияго народа, который теперь стремится возстановить свое право на свободную жизнь. Этотъ народъ, давш.й міру въ продолженіи трехъ тысячалѣтій религію, культуру и свободу личности, хочетъ и впредь работать для блага человѣчества. Наконецъ, евреи-націоналисты чувствуютъ за собою не только право, но и обязанность жить и развиваться. Они увѣрены, что только этимъ путемъ удастся спасти еврейскую жизнь отъ раздробленія и распыленія, достигнуть для народа полнаго и естественнаго развитія. Націоналисты увѣрены въ томъ, что работая для Палестины, они работаютъ для блага и всего остальнаго еврейства, что они такимъ образомъ разрѣшаютъ, такъ называемый „еврейскій вопросъ“. Для выполненія ихъ программы не требуется, чтобы большинство евреевъ всего міра поселилось въ Палестинѣ, вѣдь въ продолженіи тѣхъ столѣтій, когда евреи пользовались самымъ большимъ вліяніемъ, во времена персидскаго, греческаго и римскаго владычества, только небольшая относительно часть евреевъ проживала въ самой Палестинѣ, и даже когда храмъ былъ возстановленъ, только небольшаи часть евреевъ вернулась изъ Вавилона въ родную страну.

Со времени разрушенія храма, въ продолженіе двухъ тысячелѣтій, тоска по Палестинѣ не угасала въ еврейскомъ народѣ. Надежда на возвращеніе въ страну предковъ поддерживала евреевъ во времена гоненій; каждый набожный еврей включалъ это горячее желаніе въ свою ежедневную молитву. Еще поколѣніемъ раньше объ исполненіи этой надежды молились, но своего томленія ни въ чемъ не проявляли. Сіонизмъ, при всей своей идейности гордится тѣмъ что онъ въ то же время является и вполнѣ реальнымъ движеніемъ. Сіонизмъ стремится осуществить старую еврейскую надежду, придать еврейскимъ мечтамъ объ еврейской національной жизни въ еврейской странѣ вполнѣ конкретныя формы. Что осуществленіе подобнаго стремленія возможно, показываютъ аналогичные факты изъ исторіи другихъ народовъ; для этого нужны только люди, преданные дѣлу,

работающіе планомѣрно и готовые жертвовать собой въ случаѣ необходимости. Послѣ столѣтій напрасныхъ надеждъ осуществилась мечта объ итальянской независимости и объединеніи, благодаря Мадзини, Гарибальди и Кавуру. Греки, болгары и сербы добились независимости. Мечта объ ирландскомъ гомрулѣ осуществляется.

Возрожденіе еврейскаго народа и теперь уже представляетъ собою не одну только заманчивую и дорогую сердцу мечту; оно находится въ стадіи практическаго осуществленія, и исторія его кажется прямо чудесной.

Однимъ поколѣніемъ назадъ, нѣсколько еврейскихъ эмигрантовъ изъ Россіи и Румыніи, вмѣсто того, чтобы продолжать свой путь въ гостепріимную Америку, гдѣ они могли бы легко обезпечить себѣ матеріальное благосостояніе, повернули на Востокъ съ цѣлью поселиться въ странѣ своихъ предковъ.

Эта первая попытка колонизаціи Палестины евреями вызвала недоумѣнье всего міра. Казалось, природа и люди ставили этому новому начинанію непреодолимыя препятствія. Сами колонисты были плохо подготовлены къ невѣдомому имъ дѣлу и не принесли съ собою въ новую страну ничего, кромѣ беззавѣтной преданности и готовности жертвовать собой. Страна была совершенно опустошена, она была лишена растительности и казалась совершенно безплодной, въ ней свирѣпствовала малярія. Правительство не давало ничего, кромѣ охраны имущества и жизни. Колонисты совершенно не были знакомы ни съ характеромъ страны, ни съ жизнью земледѣльцевъ, о которой они мечтали и къ которой стремились. Они не привыкли къ тяжелому физическому труду, съ которымъ неразрывно связана жизнь земледѣльца и особенно жизнь піонера въ подобномъ дѣлѣ. Многіе не выдержали тяжелаго труда, не устояли передъ жестокой маляріей; оставшіеся въ живыхъ были близки къ полному банкротству. Но, наконецъ, явился успѣхъ. Въ теченіе одного поколѣнія эти первые піонеры-паломники, равно какъ и ихъ потомки, пришли къ слѣдующимъ двумъ выводамъ. Во-первыхъ,—Палестина создана для современныхъ евреевъ. Во-вторыхъ,—современные евреи созданы для Палестины.

Почти пятьдесятъ еврейскихъ автономныхъ колоній свидѣтельствуетъ объ этихъ замѣчательныхъ еврейскихъ достиженіяхъ. Страна, за тысячи поколѣній лишенная растительности, о которой думали, что она безнадежно безплодна, снова оказалась страной „текущею млекомъ и медомъ". Запустѣніе оказалось результатомъ безпорядка, господствовавшаго въ ней. Апельсины и виноградъ, оливки и миндаль, пшеница и другіе зерновые хлѣба растутъ тамъ теперь въ полномъ изобиліи.

Эти матеріальные успѣхи были достигнуты благодаря не менѣе поразительному умственному и соціальному развитію новыхъ піонеровъ. Можетъ быть однако, наиболѣе поразительнымъ успѣхомъ еврейскаго націонализма является возрожденіе еврейскаго языка, который теперь снова сталъ общеразговорнымъ. Еврейскій языкъ, считавшійся впродолженіи двухъ тысячелѣтій мертвымъ языкомъ, сталъ въ еврейскихъ колоніяхъ живымъ и роднымъ. Этотъ языкъ объединилъ всѣхъ евреевъ. Не надо забывать, что палестинскіе евреи прибывали положительно изъ всѣхъ странъ міра и говорили кромѣ разговорно-еврейскихъ языковъ, каждый на языкѣ страны, откуда пріѣхалъ, а это разъединяло палестинское еврейство. Но возрожденіе еврейскаго языка не только содѣйствовало объединенію всѣхъ евреевъ, оно явилось могущественнымъ факторомъ къ воскресенію еврейскаго духа.

Наши первые піонеры заложили фундаментъ; намъ остается только сдѣлать надстройку.

II.

Только благодаря облагораживающему вліянію нашихъ идеаловъ, мы можемъ развивать то лучшее, что есть въ насъ, и отдать тѣмъ странамъ, гражданами которыхъ мы являемся, все то, что намъ досталось въ наслѣдіе отъ прошлаго. Еврейскій духъ, сохранившійся втеченіе многихъ вѣковъ, и еврейскій характеръ, закаленный многовѣковыми жертвами и испытаніями, сумѣютъ развиваться и сохраняться впредь въ Америкѣ или въ другихъ странахъ, гдѣ сыны нашего народа будутъ жить человѣческой жизнью и умирая оказываться достойными своихъ предковъ.

Но на насъ лежатъ еще другія, важныя обязанности, выполненіе которыхъ возможно только посредствомъ сіонизма. Благодаря ассимиляціи молодое еврейское поколѣніе остается безъ всякой нравственной и интеллектуальной поддержки. Этому можно помочь только однимъ путемъ, путемъ возстановленія связи евреевъ съ благороднымъ прошлымъ родного народа, путемъ воспитанія чувства самоуваженія; надо дать еврейской молодежи возможность работать для не менѣе славной будущности народа. Единственнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ ассимиляціей и національной деморализаціей является воспитаніе въ американскихъ евреяхъ чувства— „noblesse oblige“. Это чувство доступно лишь тѣмъ, которые твердо вѣрятъ, что ихъ народъ долженъ существовать для своего блестящаго будущаго, которые считаютъ своимъ долгомъ содѣйствовать еврейскому возрожденію. Все это возможно путемъ осуществленія сіонизма.

Что можетъ дать еврейству сіонизмъ, мы видимъ уже на примѣрѣ еврейскихъ колоній въ Палестинѣ, тамъ всѣ— молодые и старые—проникнуты сознаніемъ славы своего народа и стараются и впредь сохранить въ чистотѣ его идеалы.

Сіонистское движеніе принесло евреямъ въ діаспорѣ воодушевленіе, о чемъ Стидъ говоритъ такъ красиво въ одномъ мѣстѣ своей „Габсбургской Монархіи“:

„Такимъ умамъ сіонизмъ объявился съ силой Евангелія. Быть евреемъ и гордиться этимъ, гордиться могуществомъ и упорствомъ своего народа, его традиціями, побѣдами, страданіями, сопротивленіемъ, оказываемымъ преслѣдованіямъ; смотрѣть людямъ прямо въ глаза и наслаждаться роскошью быть нравственно и умственно честнымъ; гордиться своей принадлежностью къ народу, давшему христіанству его божество, половинѣ свѣта монотеизмъ, дать цивилизаціи идеи, какъ ни одинъ народъ до нихъ, двигать своимъ геніемъ весь механизмъ современной торговли, дать наконецъ артистовъ, пѣвцовъ и писателей, которые занимаютъ въ культурномъ мірѣ больше мѣста, чѣмъ члены всякаго другого народа. Такія или приблизительно такія мысли зажгла сіонистская искра въ молодыхъ еврейскихъ умахъ. Вліяніе сіонизма на еврейскихъ студентовъ въ австрійскихъ университетахъ поразительно.

„Но нравственное значеніе сіонизма не ограничивается его вліяніемъ на студенческую молодежь. Вліяніе сіонизма проявляется не меньше и въ массахъ внѣуниверситетскаго молодого еврейства. Сіонизмъ далъ ему силу поднять голову и, опираясь на свое прошлое, смотрѣть прямо въ будущее“.

Такъ какъ еврейскій вопросъ единъ и универсаленъ, то евреи всѣхъ странъ будутъ добиваться одного и того-же разрѣшенія. Но на насъ американцахъ лежатъ самыя большія обязанности. Насъ въ Америкѣ 3 милліона, что составляетъ пятую часть евреевъ всего міра; и только Россія можетъ равняться съ нами по количеству населяющихъ ее евреевъ. Мы—представители всѣхъ евреевъ міра, такъ какъ состоимъ изъ иммигрантовъ или потомковъ иммигрантовъ, прибывшихъ изъ разныхъ странъ и разныхъ государствъ. Мы включаемъ лицъ всѣхъ классовъ общества и всѣхъ религіозныхъ оттѣнковъ. Мы не знаемъ никакихъ политическихъ или гражданскихъ ограниченій и мы находимся въ сравнительно хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ. Наши сограждане-американцы обладаютъ высокимъ и благороднымъ умомъ и они обнадеживаютъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ. Врожденное чувство собственнаго достоинства учитъ ихъ относиться съ симпатіей къ нашимъ попыткамъ самопомощи. Американцамъ столь чужды многіе вопросы Стараго Свѣта, что это обстоятельство защищаетъ насъ отъ подозрѣній и стѣсненій которыми сопровождаются часто дѣйствія евреевъ въ соперничающихъ между собою европейскихъ странахъ.

Конфликтъ между американскими интересами съ одной стороны и еврейскими цѣлями и задачами, съ другой, прямо немыслимъ; лойяльность по отношенію къ Америкѣ ни въ комъ не можетъ возбудить сомнѣній.

Будемъ поэтому воодушевляться серьезно, мужественно и радостно борьбой за независимость. Согласимся всѣ, что евреи составляютъ отдѣльную націю, членомъ которой состоитъ каждый еврей, независимо отъ своего государсува, положенія и религіозныхъ оттѣнковъ. Согласимся дальше, что борьба за освобожденіе не кончится раньше, чѣмъ одинаковыя возможности будутъ предоставлены національностямъ, какъ и отдѣльнымъ личностямъ, что осуществленіе нашихъ чаяній требуется въ интересахъ человѣчества, равно

какъ и во имя справедливости по отношенію къ евреямъ. Мы можемъ достигнуть осуществленія нашихъ надеждъ, если мы объединимся и останемся вѣрными самимъ себѣ. Мы должны объединиться не только для совмѣстныхъ идей, но и для совмѣстныхъ дѣйствій. Для этой цѣли намъ необходимо организоваться. Это должно быть сдѣлано такъ, чтобы нашимъ объединеніемъ проявить предъ міромъ какъ размѣры и интенсивность нашего стремленія къ свободѣ съ одной стороны, такъ и силы, и средства, которыми мы располагаемъ, съ другой.

Весь міръ ждетъ разрѣшенія еврейскаго вопроса; мы укажемъ ему путь къ этому разрѣшенію и можетъ быть увѣрены въ полномъ содѣйствіи евреевъ. Для этого намъ необходимы не ружья, а люди; люди, воспитанные для этой цѣли своей религіей и своимъ прошлымъ; люди, сильные, высокоинтеллигентные, люди несокрушимой воли, готовые жертвовать собой, люди идейные и одновременно дѣловые, которые, предоставятъ всѣ свои способности для служенія нашему дѣлу, которые сумѣютъ преодолѣть препятствія, которыя мы время отъ времени будемъ встрѣчѣть на нашемъ пути, и мы нуждаемся еще въ иныхъ людяхъ, въ офицерахъ и въ простыхъ рядовыхъ для борьбы за освобожденіе своего народа, мы нуждаемся въ людяхъ, которые въ случаѣ надобности не пожалѣютъ ни трудовъ, ни средствъ, и которые будутъ всегда подчиняться всякимъ предпринимаемымъ нами мѣрамъ. И только въ хорошей организапіи найдутся со временемъ нужные вожди.

Организоваться и еще разъ организоваться—пока каждый еврей не будетъ на учетѣ вмѣстѣ съ нами, или пока каждый не выяснитъ себѣ, стоитъ ли онъ за свой народъ или противъ него.

Нью-Іоркъ.

Л. Б. Яффе.

Въ часъ рѣшенія.

Каковъ бы ни былъ исходъ войны, очевидно подходящей къ концу,—одно несомнѣнно: человѣчество не можетъ вернуться къ старому порядку ни въ одномъ изъ вопросовъ, выдвинутыхъ войной, взметенныхъ ею на поверхность жизни.

Многое изъ того, что раньше являлось только официальной фразеологіей, прикрывающей настоящія цѣли войны, пріобрѣло крупное значеніе, стало подъ вліяніемъ войны преобладающимъ факторомъ во взаимоотношеніи народовъ, ихъ требованіяхъ и стремленіяхъ.

Какъ бы гибка и неустойчива ни была европейская совѣсть, есть слова и рѣшенія, которыя нельзя взять обратно, нельзя изъять и вычеркнуть изъ жизни, есть вопросы, выявленные тѣми или иными событіями, отъ которыхъ уже нельзя уйти и отмахнуться,—не потому, что это требуется соображеніями гуманности и свободолюбія, а потому, что отвѣтъ на нихъ вызывается объективными условіями жизни, потому, что рѣшеніе ихъ властно диктуется взаимоотношеніями народовъ, усложненными и выявленными войной.

Къ этимъ вопросамъ въ первую очередь принадлежитъ вопросъ національный, вопросъ о правѣ народовъ—большихъ какъ и малыхъ—на свободное существованіе и развитіе. Этотъ вопросъ занялъ первое мѣсто во всѣхъ отвѣтственныхъ выступленіяхъ представителей обѣихъ борющихся силъ.

Создались условія, при которыхъ этотъ вопросъ, вопросъ о свободѣ народовъ, поставленъ въ центрѣ всѣхъ вопросовъ, создались условія, которыя требуютъ опредѣленнаго и коренного разрѣшенія его.

Эту новую наличность вещей почувствовали всѣ народности, угнетенныя и когда либо обойденныя въ своихъ историчесихъ и національныхъ правахъ,

Народы и племена—среди нихъ, казалось, давно забытые исторіей и міровой политикой,—одинъ за другимъ выступаютъ со своими притязаніями и требованіями, готовятся, къ моменту разрѣшенія міроваго спора, мечтаютъ объ осуществленіи въ связи съ результатами войны ихъ національныхъ надеждъ и аспирацій. Не говоря уже о Польшѣ, попавшей въ счастливую полосу исторіи и нашедшей оправданіе за свои муки и понесенныя жертвы, о Финляндіи, вновь обрѣтшей полную свободу, и многіе другіе народы—украинцы, армяне и арабы, литовцы и русины, народы Австро-Венгріи и Балканскаго полуострова поднимаютъ свой голосъ, стараются попасть на арену исторіи.

Всѣ эти народы и племена чувствуютъ, что пробилъ ихъ историческій часъ, что въ эти дни, когда кореннымъ образомъ будутъ рѣшаться судьбы народовъ, наступило время для предъявленія ихъ требованій, для опредѣленія конечныхъ цѣлей ихъ національной политики, для выполненія ихъ историческихъ надеждъ. Голосами различныхъ звуковъ и силы заявляютъ они о себѣ, напрягаютъ всю свою энергію, чтобы попасть въ потокъ исторіи, перекраивающій міръ, возрождающій народы, и больше всего страшатся они, чтобы мимо нихъ не прошелъ этотъ историческій моментъ, не коснувшись ихъ, не отмѣтивъ ихъ своимъ перстомъ.

Слышится ли въ этомъ хорѣ народовъ и голосъ еврейскаго народа?

Не было времени въ исторіи еврейскаго разсѣянія. когда такъ сильно и полнозвучно долженъ былъ бы звучать передъ всѣмъ міромъ голосъ еврейства.

При постановкѣ и рѣшеніи національной проблемы не можетъ быть обойденъ и вопросъ еврейскаго народа. Если человѣчество дѣйствительно стремится къ тому, чтобы будущій миръ былъ справедливымъ и прочнымъ, что-бы онъ не носилъ въ себѣ сѣмянъ новой вражды и раздоровъ, чтобы были устранены поводы для столкновеній и треній между народами и внутри народовъ, должно быть найдено рѣшеніе и для этого вопроса, наиболѣе болѣзненно воспринимаемаго.

Отъ рѣшенія этого вопроса зависить не только судьба двѣнадцатимилліоннаго еврейства, не только его жизнь и будущее; въ его радикальномъ и справеливомъ рѣшеніи заинтересованы всѣ народы міра, среди которыхъ разсѣяно еврейство.

Настоящая война съ небывалой отчетливостью и рѣзкостью поставила передъ міромъ еврейскую проблему во всемъ ея трагизмѣ, показала ужасъ жизни народа въ скитаніи и разсѣяніи и еще съ большей силой и настойчивостью потребовала рѣшенія еврейской проблемы.

Отъ самого еврейскаго народа зависитъ, въ какомъ видѣ и въ какихъ размѣрахъ будетъ поставленъ еврейскій вопросъ передъ міромъ въ связи съ войной, Значеніе этого вопроса въ глазахъ міра и отношеніе къ нему будетъ зависѣть отъ того, будетъ ли онъ поставленъ—какъ вопросъ евреевъ различныхъ странъ или скорѣе нѣкоторыхъ странъ, какъ частица еврейской проблемы, или же онъ будетъ развернутъ передъ міромъ во всемъ своемъ объемѣ и глубинѣ, какъ проблема разсѣяннаго, безземельнаго народа, какъ проблема, единая во всемъ мірѣ и во всѣ времена въ своей сущности и первоосновѣ, въ какихъ временныхъ и внѣшнихъ формахъ и симптомахъ она бы ни проявлялась.

Было бы величайшей исторической безсмыслиней, которая можетъ оказаться роковой для всей нашей національной будущности, если бы въ результатѣ этой войны, въ моментъ коренныхъ преобразованій и радикальной постановки вопросовъ только одинъ еврейскій вопросъ не былъ поставленъ во всей его глубинѣ и величіи, еслибъ была затушевана и отодвинута историческая проблема еврейскаго народа.

Эта опасность намъ угрожаетъ, благодаря тому, что различные элементы еврейства желали бы продолжать и въ настоящій моментъ ту старую самоубійственную политику, за которую нашъ народъ и теперь еще расплачивается.

Для того, чтобы нееврейскій міръ считался съ еврействомъ какъ съ націей, имѣющей свои требованія и запросы, онъ долженъ имѣть передъ собой народъ единый, несмотря на всѣ рубежи и языки, разъединяющіе его, народъ, объединенный въ одномъ верховномъ національномъ стремленіи, доминирующемъ

надъ всѣми его вопросами; нееврейскій міръ долженъ знать о требованіяхъ еврейства, объ его историческихъ притязаніяхъ на древнюю родину, объ его борьбѣ за возрожденіе.

Къ сожалѣнію, міръ не знаеть или мало знаетъ о стремленіяхъ и требованіяхъ еврейства, какъ народа. Стремленія души еврейской націи не проявляются наружу въ формѣ зримой и понятной міру, не доходятъ до вниманія народовъ.

Народы знакомы почти исключительно только съ ассимиляціонной идеологіей тѣхъ элементовъ въ еврействѣ, голосъ которыхъ доходилъ до ихъ вниманія и слуха. Еврейскій народъ до недавняго времени молчалъ, милліоны еврейскихъ массъ безмолвствовали. Громко говорили и выдавали свой голосъ за голосъ народа только тѣ, которые отреклись отъ еврейства, которые искали для себя исхода въ бѣгствѣ и самоуничтоженіи и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали говорить отъ имени народа, измѣннически брошеннаго ими.

Бывали моменты въ исторіи еврейской эмансипаціи, когда отъ имени народа совершались неслыханнные историческіе подлоги, за которые еврейство до сихъ поръ жестоко расплачивается. Еврейство до сихъ поръ еще чувствуетъ результаты рѣшеній французскаго синедріона, созваннаго Наполеономъ, когда взамѣнъ обѣщанныхъ правъ, небольшая кучка самозванныхъ еврейскихъ представителей торжественно провозгласила, что еврейство не нація и отреклась отъ національнаго будущаго народа. Не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ эмансипація большей частью покупалась подобной цѣной: измѣной и предательствомъ; за подаренныя права отрекались отъ надеждъ на національное будущее, отъ національной общности съ евреями другихъ странъ, отъ исторической родины народа, отъ національнаго языка.

Этимъ объясняется то непониманіе, котороое даже среди лучшихъ людей другихъ народовъ—за рѣдкими исключеніями—встрѣчаетъ пока каждое проявленіе національныхъ стремленій еврейства. Даже у многихъ изъ лучшихъ и прогрессивнѣйшихъ представителей міровой мысли и общественности, чутко относящихся къ національнымъ стремленіямъ всѣхъ народностей и племенъ, по отношенію къ еврейству, какъ къ націи, существуетъ другая мѣрка. Еврейство для

нихъ только временно терпимо, какъ элементъ будущаго растворенія, болѣе или менѣе близкаго, съ ихъ народами. Уже второе столѣтіе нееврейскій міръ пріучаютъ къ мысли, что нѣтъ еврейской націи, что евреи получили эмансипацію цѣной добровольнаго отреченія отъ еврейства, и онъ какъ бы испытываетъ разочарованіе. когда неожиданно сталкивается съ національными стремленіями еврейства, ни отъ чего никогда не отрекшагося. Нееврейскій міръ какъ бы ввели въ заблужденіе. И его дѣйствительно ввели въ заблужденіе народные отщепенцы, продолжавшіе выдавать себя за представителей народа.

Сіонистское движеніе сдѣлало все, что возможно, для того, чтобы разсѣять это губительное заблужденіе. Сіонистскіе конгрессы впервые передъ всѣмъ міромъ прокламировали существованіе единой еврейской націи и наглядно проявили это единство, они подняли еврейскій вопросъ на международную высоту, впервые заговорили о требованіяхъ и надеждахъ еврейскаго народа. Но нѣсколько десятилѣтій не могутъ разсѣять заблужденія цѣлаго столѣтія, заблужденіе, которое и теперь поддерживается различными элементами въ еврействѣ, продолжающими—сознательно или безсознательно—самоубійственную народную политику.

Для того, чтобы еврействомъ не могъ распоряжаться каждый, кто хочетъ, „какъ будто бы оно было просто вещью“, для того, чтобы еврейскій народъ могъ самъ распоряжаться своей судьбой, для того, чтобы считались съ его волей, необходима одна предпосылка: Міръ долженъ узнать и свыкнуться съ мыслью, что есть иное еврейство, чѣмъ то, о которомъ онъ знаетъ и слышалъ, онъ долженъ услышать неподдѣльный голосъ еврейскаго народа, и не только слышать его голосъ, но видѣть передъ собою организованный народъ, спаянный однимъ стремленіемъ, сильный своей активной волей, въ своемъ сплоченіи, въ объединеніи своихъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и матеріальныхъ силъ

Къ сожалѣнію, намъ и въ этотъ періодъ, стремленіе къ сплоченію народа и къ проявленію его единой воли встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ группъ въ еврействѣ, продолжающихъ политику французскаго синедріона. Снова

слышатся отголоски рѣчей, которые звучали при полученіи евреями эмансипаціи почти сто лѣтъ тому назадъ. Особенно выпукло это выразилось въ выступленіи виднаго еврейскаго дѣятеля въ Англіи—Люсьена Вольфа, который находитъ даже, что евреи, говоря о національныхъ стремленіяхъ и о Палестинѣ, измѣняютъ данному сто лѣтъ тому назадъ слову и нарушаютъ эмансипаціонный договоръ. Говоря теперь о національныхъ правахъ, евреи могутъ „вызвать заслуженное обвиненіе, что они получили гражданство благодаря ложнымъ заявленіямъ“.

Мысль, выраженную Люсьеномъ Вольфомъ, мы слышимъ и въ другихъ мѣстахъ въ той или иной варіаціи. Мы ее слышимъ и у насъ. Но тамъ, гдѣ процессъ ассимиляціи и разложенія еще не достигъ такихъ размѣровъ, гдѣ есть еврейскія массы, уже не такія безмолвныя и безпомощныя, какъ когда-то, тамъ не осмѣливаются поставить вопросъ такъ откровенно и честно, какъ это сдѣлалъ Люсьенъ Вольфъ.

Все чаще слышимъ мы опасенія, что выдвиганіе еврейской проблемы во всемъ ея объемѣ и требованіе Палестины можетъ помѣшать въ той или иной странѣ достиженію правъ, можетъ отвлечь вниманіе отъ борьбы за ихъ упроченіе. Не говоря уже о цѣнности и красотѣ подобнаго возраженія съ точки зрѣнія элементарнаго человѣческаго и еврейскаго достоинства, не знаешь, чему раньше удивляться: наивности или безсмысленности подобнаго возраженія.

Какъ будто вопросъ о правахъ находится теперь въ такомъ же положеніи, какъ сто лѣтъ тому назадъ, когда евреи впервые стали раздвигать стѣны своего гетто и бороться за элементарныя человѣческія права. Какъ будто на мирномъ конгрессѣ, если на немъ будетъ поставленъ вопросъ объ еврейскихъ правахъ въ той или иной странѣ, можетъ подняться хотя бы одинъ голосъ противъ еврейскаго равноправія, да еще съ подобной мотивировкой, которой мы вообще отъ неевреевъ не слышимъ. Развѣ можно себѣ представить, что даже представители Румыніи, класической—страны еврейскаго безправія, рѣшились бы выговорить слово противъ еврейскаго равноправія? Это было бы немыслимо не только по соображеніямъ политическимъ, экономическимъ и психологическимъ, а просто по той причинѣ, по какой

невоспитанный человѣкъ не рѣшится сказать непристойность въ приличномъ обществѣ, куда его допустили.

Въ послѣднее время противъ насъ стали выдвигать новое возраженіе, являющееся перефразировкой приведеннаго выше. Требованіе Палестины можетъ помѣшать требованію національныхъ правъ въ различныхъ странахъ. Это возраженіе мы слышимъ отъ тѣхъ, кто десятилѣтіями боролся противъ всякаго проявленія національныхъ требованій со стороны еврейства. Намъ, нашимъ движеніемъ сдѣлавшимъ возможнымъ разговоръ о національныхъ правахъ вообще, намъ, впервые выдвинувшимъ программу національныхъ правъ въ Россіи и Галиціи, съ громаднымъ напряженіемъ отстаивавшимъ въ Америкѣ требованіе національныхъ правъ, несмотря на рѣзкое противодѣйствіе еврейскихъ нотаблей и еврейскихъ марксистовъ, намъ теперь — единомышленники и тѣхъ и другихъ — возражаютъ съ точки зрѣнія національныхъ правъ. Этой туманной, необдуманной до конца формулой національныхъ правъ, лишенныхъ значенія безъ существованія національнаго центра, объединяющаго разсѣянныя части народа, являющагося для нихъ „центромъ подражанія", источникомъ питанія и жизни,— этимъ новымъ средствомъ снова стараются отодвинуть еврейскую проблему, затушевать ея сущность.

Къ сожалѣнію, намъ и въ этотъ періодъ, очевидно, придется столкнуться съ противодѣйствіемъ крѣпостныхъ равноправія, явныхъ и скрытыхъ, справа и слѣва, намъ снова придется выдержать борьбу съ духовными потомками тѣхъ, кто права покупалъ цѣною отреченія отъ всего, что составляетъ сущность еврейства, смыслъ его существованія, цѣль его жизни.

Какъ неизмѣримо далека психологія этихъ людей, выставляющихъ подобныя возраженія, хотя бы отъ психологіи ассимилированнаго еврея Габріеля Риссора, который почти сто лѣтъ тому назадъ съ чувствомъ безсознательной національной гордости и человѣческаго достоинства утверждалъ, что „равноправіе должно быть завоевано, какъ законное право, а отнюдь не получено за извѣстныя услуги", который говорилъ, что „самой незначительной обрядовой церемоніей не слѣдуетъ жертвовать ради полученія правъ гражданства". Казалось, что уже проникло въ сознаніе всѣхъ слоевъ еврей-

ства, что не за подобное смиреніе и выслуги получаютъ права, не трусливымъ отреченіемъ и рабскимъ самостушеваніемъ.

Когда всѣ народы всѣмъ напряженіемъ своихъ силъ и желаній переживаютъ настоящій моментъ, когда они говорятъ о своихъ затаенныхъ національныхъ стремленіяхъ и надеждахъ, намъ однимъ только, и съ нашей же стороны, предлагаютъ ограничиться выставленіемъ требованій не рѣшающихъ ни экономической, ни культурной, ни національной проблемы еврейства. Не зная еще, ограничатъ ли насъ другіе, мы забѣгаемъ впередъ и сами ограничиваемъ себя и возможно больше и замѣтнѣе стараемся снизиться.

Мы знаемъ, что противъ насъ снова будутъ мобилизованы всѣ силы, которыя всегда стояли на пути еврейскаго возрожденія, которыя всегда противодѣйствовали всякому стремленію народа къ настоящей и полной жизни. Мы учитываемъ и это препятствіе, прибавляющееся къ другимъ препятствіямъ, лежащимъ на нашемъ пути. Но и это не смутитъ насъ въ нашей работѣ. Каждое новое препятствіе еще больше усиливаетъ наше стремленіе безустанно и не уклонно бороться за пробужденіе сознанія, внутренней силы и самодѣятельности еврейства, за широкую и открытую постановку передъ міромъ нашихъ требованій и нашей проблемы. Неустанно будемъ мы стремиться къ тому, чтобы былъ услышанъ настоящій голосъ еврейскаго народа, до сихъ поръ заглушенный и слабый, чтобы высказались еврейскія массы, до сихъ поръ безмолствовавшія, но никогда не знавшія торга своей страной и прошлымъ, своимъ національнымъ будущимъ. Не должны быть повторены ошибки недавнихъ поколѣній, за которыя мы теперь со стыдомъ расплачиваемся. Пусть нашимъ потомкамъ не придется стыдиться и расплачиваться за наши ошибки-которыя на этотъ разъ были бы несравненно болѣе престу, пными и роковыми.

Если и теперь въ этотъ неповторимый единственный моментъ еврейскій народъ не проявилъ бы передъ всѣмъ міромъ своей воли къ полной національной жизни и возрожденію, то только для него одного была бы безцѣльна эта война, только его жертвы были бы безсмыслены и не нужны, только его страданіе не нашло бы оправданія.

Пусть и нашъ народъ слышитъ напоминаніе исторіи, пусть прислушается онъ, какъ предостерегающе и грозно „часы міровые окликнули насъ", пусть знаетъ онъ, что и для него „ударилъ послѣдній двѣнадцатый часъ".

Февраль 1917 г.

И. Гринбаумъ.

Единство еврейской націи.

Принципъ единства еврейской націи, легшій въ основу сіонистской концепціи, сіонистской политики и тактики, вызывалъ всегда страстныя возраженія какъ со стороны ассимиляторовъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, такъ и со стороны крайнихъ лѣвыхъ. Особенной послѣдовательностью въ этомъ вопросѣ эти послѣдніе. Будучи вынуждены подъ вліяніемъ организуемыхъ ими массъ отказаться отъ своего ассимиляторства и государственнаго централизма, они такъ и не сумѣли подняться выше этихъ массъ, отличить въ ихъ національномъ бытѣ вѣчное отъ временнаго, всееврейское отъ мѣстнаго, разъединяющаго, не сумѣли въ переспективѣ культурнаго развитія народныхъ массъ и ихъ пріобщенія къ національному творчеству разглядѣть общееврейскую національную культуру, единую во времени и пространствѣ, несмотря на разнообразіе и многообразіе формъ. Суживая свой еврейскій кругозоръ исключительно интересами трудовыхъ массъ, отожествляя эти интересы, если не всецѣло, то въ очень многомъ, съ интересами трудовыхъ массъ всего государства, они прямо и непосредственно переходили отъ еврейскихъ народныхъ массъ къ государству, почти совершенно не считаясь со всѣми другими классами еврейства уже не всемірнаго, а даже мѣстнаго.

Крайняя лѣвая до самаго послѣдняго времени стояла какъ-то въ сторонѣ еврейской жизни, ея пути тянулись въ сторонѣ отъ большой дороги еврейскаго развитія. Но жизнь руководимыхъ ее массъ была, понятно, частицей общееврейской жизни, и крайняя лѣвая только въ теоріи могла держаться въ сторонѣ отъ нея. Скрѣпя сердце, всячески отмахиваясь и открещиваясь, она втягивалась въ эту общееврейскую жизнь, въ ея интересы и борьбу. Культурный подъемъ еврейской трудовой массы разрушаетъ ея изолированность въ еврействѣ,—какъ онъ разрушаетъ эту изолированность и въ средѣ другихъ народовъ, въ которыхъ нація не сведена къ одному классу—къ народнымъ массамъ.

Представители крайней лѣвой не предвидятъ этихъ послѣдствій культурнаго подъема народныхъ массъ, ихъ пріобщенія къ національному творчеству и національной жизни. Для нихъ еврейство это—творящаяся нація, въ родѣ литовской или украинской что ли, собственно еще не нація, а народъ, лишенный сознанія исторической преемственности, животворящей традиціи. Эта нація создается въ реальныхъ рамкахъ того или другого государства, а потому и процессъ ея созданія различенъ и результаты этого процесса—создавшіяся и создающіяся націи—разнообразны. Нѣтъ единой еврейской націи, разсѣянной по всему міру, скитающейся по всѣмъ землямъ и странамъ, но съ единымъ прошлымъ и съ единымъ будущимъ, а есть отдѣльныя „родственныя“ націи, „русско-еврейская“, „польско-еврейская“, „австрійско-еврейская“, „американско-еврейская“ т. д. Нельзя поэтому говорить объ еврейской націи, какъ о субъектѣ опредѣленныхъ правъ, нельзя говорить о всемірномъ еврейскомъ вопросѣ, ибо такого вопроса нѣтъ, а существуютъ только русско-еврейскій вопросъ, польско-еврейскій вопросъ и т. д.

Вотъ взгляды, которые противопоставляются принципу единства еврейской націи. До послѣдняго времени взгляды эти лежали въ основѣ крайняго идишизма и сказывались главнымъ образомъ въ борьбѣ языковъ, теперь они переносятся въ область политики, въ область постановки еврейскаго вопроса. Во имя отдѣльныхъ націй ведется атака противъ принципа единой еврейской націи, вопросъ о которой въ связи съ Палестиной мы призываемъ еврейство поставить въ конецъ насто-

ящей европейской войны. Почти одновременно въ Петроградѣ и Москвѣ представители крайней и умѣренной лѣвой начали борьбу противъ сіонизма, выставляющаго требованіе признанія единой еврейской націи и ея связи съ Палестиной. Какъ въ Америкѣ, такъ и здѣсь они—за нѣкоторыми исключеніями самыхъ крайнихъ лѣвыхъ—борются не противъ Палестины, а противъ сіонизма, мало того, они даже собираются „спасать Палестину отъ сіонистовъ", ибо и въ Палестинѣ живутъ евреи, которые нуждаются въ опредѣленныхъ правахъ, и почему бы „русско-еврейской" націи не подать руки помощи „родственной націи" „палестинско-еврейской"? Если хотите, то въ этомъ желаніи подать руку помощи палестинскому еврейству и добиваться для него національныхъ правъ, проявляется несомнѣнная побѣда сіонизма, ибо палестинское еврейство, ни по своей численности, ни по своему положенію и реальнымъ интересамъ не должно и не можетъ привлекать вниманія этихъ представителей отдѣльныхъ еврейскихъ націй. Помогаютъ вѣдь только страдающимъ, безправнымъ, а палестинское еврейство и правами пользуется и въ обыкновенное мирное время не страдаетъ отъ притѣсненій, а о какихъ тутъ націонольныхъ правахъ можно говорить по отношенію къ 100,000 еврейству? Развѣ только съ точки зрѣнія будущаго, перспективъ національныхъ возможностей, связанныхъ съ Палестиной. Это прекрасно понимаютъ самые крайніе представители идеи отдѣльныхъ еврейскихъ націй и выступаютъ не только противъ сіонизма, но и противъ Палестины. Другіе менѣе послѣдовательныя или менѣе сознательные готовы „спасать Палестину отъ сіонизма".

И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ спасеніи Палестины отъ сіонизма центръ тяжести всей борьбы. Ибо Палестина выставляется нами не во имя интересовъ настоящаго, а будущаго, не во имя еврейства, уже въ ней живущаго, а во имя того, которое туда стремится, во имя разсѣянной, живущей ненормальной жизнью, еврейской націи, желающей создать въ ней свой національный центръ и зажить въ ней полной національной жизнью. Безъ единой еврейской націи не можетъ быть и нѣтъ требованій, относящихся къ Палестинѣ, ибо всѣ требованія, которыя могутъ быть выставлены по отношенію къ этой странѣ, кореннымъ образомъ разнятся отъ всѣхъ другихъ требованій. Это требованія свободной иммиг-

раціи и колонизаціи, а такія требованія имѣютъ въ виду будущее, а не настоящее, созданіе чего то сейчасъ не существующаго или же находящагося лишь въ зародышѣ. Но настроеніе еврейства таково, что отъ палестинскихъ требованій отмахнуться трудно, а потому отъ нихъ усиленно стараются оторвать требованіе признанія единой еврейской націи.

Споръ поэтому долженъ быть поставленъ на ту же принципіальную почву, на которой онъ находился, когда онъ касался культурныхъ вопросовъ. Единой еврейской націи нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ у всемірнаго еврейства единыхъ политическихъ интересовъ и цѣлей. Такъ говорятъ намъ и не замѣчаютъ, къ какимъ курьезамъ и абсурдамъ приводятъ подобныя разсужденія, если довести ихъ до логическаго конца, особенно если принять во вниманіе еврейскія передвиженія, еврейскія скитанія и измѣненія государственныхъ границъ. Но дѣло не въ этихъ курьезахъ, не въ этихъ абсурдахъ, а въ той слѣпотѣ, въ той несознательности, я бы сказалъ, которыми отличаются приверженцы идеи отдѣльныхъ еврейскихъ націй.

Связь между отдѣльными частями еврейской націи—не только въ ея прошломъ, въ ея животворящей традиціи, но и въ настоящемъ, и связь эта не только духовная, культурная, но и реально политическая. Она создается и единствомъ вражды, единствомъ преслѣдованій, и скитаніями, массовыми передвиженіями. Отсюда заинтересованность всемірнаго еврейства, заинтересованность вполнѣ реальная, въ борьбѣ еврейства тѣхъ или другихъ странъ за свое равноправіе или національныя права. Для французскаго или англійскаго еврейства, ассимилирующагося и исчезающаго, не будь притока иммиграціи, отнюдь не безразлично, пользуются ли евреи въ Россіи равноправіемъ, признаются ли они націей, или же только религіозной группой. То или другое рѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи отражается и на ихъ судьбѣ. Если бы, напр., евреи въ Польшѣ или въ Россіи добились признанія національныхъ правъ, признанія себя націей, французское или англійское еврейство должно было бы рѣшить вопросъ о своемъ отношеніи къ этой націи. Поэтому то ассимилированное западное еврейство говоритъ только о равноправіи и борется противъ всякаго еврейскаго націонализма. Если мы еще приба-

вимъ къ этому иммиграцію восточныхъ евреевъ въ эти страны, гдѣ вслѣдствіе малочисленности евреевъ, еврейскій вопросъ. перестаlъ быть чувствителенъ и въ будущемъ можетъ быть исчезъ бы совершенно, если бы не было этой иммиграціи, то станетъ ясной связь между разсѣяннымъ еврействомъ.

Правда, политическая борьба и политическія цѣли еврейства отдѣльныхъ странъ различны, ибо онѣ обусловлены соціально-экономическими и политическими условіями жизни этихъ странъ, но это не уничтожаетъ всецѣло единства націи. Жизнь ея становится лишь многограннѣе, сложнѣе, но не раздробляется на отдѣльные осколки уже потому, что сохраняется единство борьбы, которая по своему существу и характеру вездѣ одна и та-же. Формы и содержаніе ея различныя, но сущность одинакова; вездѣ безправны евреи, какъ евреи, вездѣ въ основѣ безправія лежатъ одни тѣ-же обвиненія, въ сущности однѣ и тѣ же причины.

Тѣ, которые отрицаютъ единство еврейской націи, не видятъ еще одного объединяющаго момента въ еврейской жизни: центровъ разсѣяннаго еврейства. Въ каждую историческую эпоху центръ тяжести еврейства и его національной жизни, преемственность его творчества находится всегда въ опредѣленной странѣ, тамъ, гдѣ условія наиболѣе благопріятствуютъ созданію болѣе или менѣе обособленной національной жизни. Къ такому центру тяготѣютъ прочія еврейскія поселенія, интересы этого центра доминируютъ въ еврействѣ, и онъ является носителемъ единства націи. Такимъ центромъ является пока русское еврейство, такой центръ создается въ С.-А. Штатахъ и въ Палестинѣ.

Вотъ реальные моменты, кромѣ культурныхъ и религіозныхъ, объединяющіе разсѣянное еврейство. Но въ нихъ недостаетъ элемента будущаго, единаго идеала, единой конечной цѣли. Представители концепціи отдѣльныхъ еврейскихъ націй видятъ такую единую цѣль въ сіонизмѣ, но считаютъ эту цѣль химеричной, выдуманной, и потому отрицаютъ ея объединяющую роль. Но вѣдь цѣль сіонизма не нова, это древнѣшая цѣль разсѣяннаго еврейства: сіонизмъ по существу это только секуляризованный мессіанизмъ, Ту же роль, которую играли мессіанство и мессіанскія дви-

женія въ эпоху господства въ еврействѣ религіозныхъ формъ жизни и мысли, теперь играетъ сіонизмъ и сіонистское движеніе. Въ моменты перелома, въ моменты историческихъ катастрофъ, въ еврействѣ всегда появлялись мессіи, люди, которые прокламировали единство разсѣянной націи и ея волю къ возрожденію. Въ настоящее время такія движенія невозможны, ибо изсякла живая сила религіозно-политическаго творчества, но на смѣну явился сіонизмъ, поставившій себѣ ту же задачу, но оперирующій другими средствами.

Единство еврейской націи должно быть прокламировано и въ настоящее время великой міровой катастрофы. Оно должно быть прокламировано конкретно не въ области духовной, а политической, и потому оно должно быть связано съ конкретной цѣлью, съ Палестиной, съ волей къ національному возрожденію въ Палестинѣ.

Эту задачу и ставитъ себѣ сіонизмъ, и къ этому-то сіонисты и зовутъ еврейство всего міра.

М. Марголинъ.

Отвѣтственный моментъ.

I.

Что современная міровая война открываетъ собою поворотную эпоху въ исторіи политической, соціальной и экономической жизни Европы и даже всего культурнаго человѣчества—стало въ послѣдніе два года уже общимъ мѣстомъ. Политическая карта Европы и Передней Азіи будетъ перекроена. Основы, на коихъ зиждится политическая система европейскихъ государствъ, подвергнутся коренному измѣненію. Новые международные союзы и группировки государствъ будутъ преслѣдовать иныя, болѣе соотвѣтствующія началамъ права и справедливости политическія цѣли, чѣмъ союзы и соглашенія, дѣйствовавшіе до войны. Новыя экономическія соглашенія и торговые договоры дадутъ міровой торговлѣ новое направленіе, проложатъ новые пути торговаго движенія, создадутъ новые центры торгово-промышленной жизни. Провозглашеніе правъ малыхъ національностей на политическое автономное бытіе, торжественно возвѣщенное обѣими воюющими сторонами, будетъ имѣть весьма реальныя послѣдствія даже вопреки истиннымъ намѣреніямъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые на выступленіе съ лозунгами о правахъ малыхъ національностей смотрѣли какъ на своеобразный тактическій пріемъ. Смѣлые соціально-экономическіе опыты, въ формѣ военнаго соціализма, практикуемые нынѣ въ разныхъ областяхъ народной жизни, не пройдутъ безслѣдно.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ ожиданія и надежды, связываемыя съ окончаніемъ войны. На развалинахъ старой жизни, разрушенной грандіознымъ военнымъ ураганомъ, будетъ построена новая жизнь на иныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ началахъ.

Въ этихъ ожиданіяхъ и надеждахъ имѣется извѣстная доля преувеличеній. Несомнѣнно, однако, что въ жизни Европы и всего человѣчества война проведетъ рѣзкую грань. Не только писатели-теоретики и представители передовой политической мысли, но и такой осторожный и отвѣтственный политикъ какъ президентъ великой заатлантической республики недавно пытался начертать новыя идеалистическія основы международнаго союза государствъ, рѣзко отличающіяся отъ тѣхъ, на которыхъ донынѣ базировалась европейская политическая система.

Итакъ, Европа—наканунѣ великихъ преобразованій своего политическаго и соціально-экономическаго бытія.

Какія же переспективы открываются въ связи съ этими ожидаемыми великими перемѣнами передъ еврействомъ, и какова должна быть роль, каковы должны быть задачи руководящихъ круговъ еврейскаго народа, еврейской интелигенціи въ нашу эпоху великаго кризиса?

Наша интелигенція, какъ извѣстно, разбита на нѣсколько рѣзко различающихся по всей идеологіи и враждующихъ между собою партій. Мы ограничимся указаніемъ на три основныхъ теченія еврейской политической мысли: просвѣтительно-ассимиляціонное, національно-идишистское и сіонистское.

Какъ же регируютъ, съ какими лозунгами выступаютъ представители этихъ главныхъ теченій въ этотъ отвѣтственный моментъ рѣшенія судебъ этихъ малыхъ національностей? Возможно-ли объединеніе представителей главныхъ партійныхъ группировокъ еврейской интелигенціи на одной общей политической платформѣ, въ коей были бы формулированы требованія еврейскаго народа, какъ требованія крѣпкой единствомъ политическаго идеала націи, какъ выраженія единой національной воли?

Какъ ни различно пониманіе еврейской проблемы представителями трехъ вышепоименованныхъ теченій еврейской мысли,—всѣ они согласны въ признаніи трагичискимъ положеніе еврейства въ діаспорѣ.

Надъ еврействомъ въ діаспорѣ тяготѣетъ законъ соціальной и экономической эволюціи, въ силу котораго еврейство медленно, но неуклонно идетъ къ сліянію съ окружающими народами, къ растворенію въ территоріально и политически крѣпкихъ національныхъ организмахъ.

Ссылка на сохраненіе еврейскаго народа въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ жизни въ діаспорѣ ничуть не колеблетъ аксіоматической силы этого положенія. Съ одной стороны, главный оплотъ еврейской націи, непроницаемая броня, охранявшая ее отъ внѣшнихъ ударовъ и внуртенняго распада—еврейская религія—теряетъ все болѣе и болѣе свою защитительную силу. Съ другой—ассимилирующая и нивеллирующая сила совершеннаго демократическаго соціально-экономическаго строя не можетъ быть поставлена ни въ какое сравненіе съ дѣйствіемъ построенныхъ на разобщенности классовъ, сословій, цеховъ государствъ старой феодальной абсолютистской Европы. Всерастворяющій потокъ общеевропейской культуры становится все могущественнѣе и непреоборимѣе въ своемъ разрушительномъ и созидательномъ дѣйствіи, особенно въ еврейской средѣ. По роду своей дѣятельности, преимущественно торгово-промышленной и либерально-профессіональной, еврей безпрестанно входитъ въ тѣсное общеніе съ окружающимъ христіанскимъ населеніемъ, говоритъ на его языкѣ, обучается въ мѣстныхъ школахъ. Бытъ, языкъ, литература, соціально-политическіе идеалы народа, въ средѣ котораго живетъ еврей, становятся родными и послѣднему...

Этотъ законъ культурной ассимиляціи дѣйствуетъ въ еврействѣ діаспоры съ силою неизмѣннаго закона природы. Наблюдается лишь разница въ темпѣ ассмиляціоннаго процесса въ странахъ высокой и низкой культуры. Во первыхъ, гдѣ давно евреи, въ качествѣ полноправныхъ гражданъ, вошли въ мѣстное общество, процессъ ассимиляціи и національнаго обезпеченія евреевъ идетъ со значительною быстротою; во вторыхъ—правовыя ограниченія евреевъ про-

должаютъ служить устарѣлой ненадежной фортификаціей, задерживающей разрушительное дѣйствіе ассимиляціоннаго процесса.

Однимъ изъ первыхъ неизбѣжныхъ послѣдствій міровой войны явится уравненіе въ области еврейскаго вопроса странъ старой и молодой культуры. Отмѣна правовыхъ ограниченій евреевъ въ странахъ, гдѣ сохранилось средневѣковое законодательство о нихъ, произойдетъ само-собою какъ логическій выводъ изъ новаго порядка вещей независимо и даже вопреки настроенію командующихъ политическихъ круговъ. Обновленная соціальная и экономическая жизнь и въ государствахъ восточной Европы не потерпитъ существованія уродливаго нароста въ видѣ безправнаго гонимаго многомилліоннаго еврейскаго народа. Отмѣна еврейскихъ правовыхъ ограниченій сыграетъ очень крупную роль въ подъемѣ и расцвѣтѣ экономической жизни, имѣющемъ наступить послѣ войны. Та колоссальная энергія, тѣ безмѣрныя умственныя и моральныя силы, которыя евреями затрачиваются на преодолѣніе препятствій къ ихъ экономической и культурной дѣятельности, а неевреями—на охрану сложной сѣти еврейскихъ ограниченій, на „улавливаніе жида“ войдутъ, какъ оплодотворяющій потокъ, въ хозяйственную жизнь страны и придадутъ ея расцвѣту особую яркость и мощность. Раскрѣпощеніе еврейства вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не ускорить процесса сліянія евреевъ съ окружающей средой и ослабленія національныхъ скрѣпокъ въ еврейскомъ обществѣ.

Само собою разумѣется, представители трехъ вышеупомянутыхъ главныхъ теченій еврейской мысли по окончаніи войны будутъ различно реагировать на послѣдствія новаго порядка вещей, но въ настоящее время въ моментъ, когда для многихъ народовъ близится часъ рѣшенія ихъ исторической судьбы, и еврейство въ своихъ требованіяхъ къ будущей мирной конференціи должно выступить какъ крѣпкая своимъ единствомъ нація, должно выявить свою единую національную волю.

Правда, еврейская нація, какъ не обладающая суверенитетомъ территоріально-государственной націи, не будетъ пользоваться правомъ голоса въ международномъ ареопагѣ. Неизвѣстно даже, будутъ ли еврейскіе представители имѣть

возможность выступить на мирной конференціи въ качествѣ прямыхъ и непосредственныхъ выразитетей интересовъ и нуждъ еврейскаго народа. Во всякомъ случаѣ прямо или косвенно требованія еврейскаго народа могутъ быть доведены до свѣдѣнія участниковъ конференціи и стать предметомъ ихъ сужденій и рѣшеній.

Въ послѣднее время была сдѣлана попытка формулировать требованія еврейства къ мирной конференціи въ видѣ общей политической платформы, на коей могли бы объединиться представители всѣхъ еврейскихъ партій. Эти еврейскія desiderata сводятся къ тремъ пунктамъ: 1) гражданское и политическое равноправіе въ странахъ, гдѣ евреи ограничены въ правахъ; 2) признаніе за евреями правъ національно-культурной автономіи въ тѣхъ населенныхъ пунктахъ, гдѣ большинство еврейскаго населенія пожелаетъ воспользоваться этими правами и 3) свободная иммиграція евреевъ въ Палестину и ея колонизація евреями на правахъ автономнаго національно-культурнаго центра.

Пріемлемы ли всѣ три означенныхъ пункта въ приведенной мною весьма умѣренной формулировкѣ для представителей всѣхъ еврейскихъ партій?

Мы полагаемъ, что безусловно пріемлемы, ибо, по нашему крайнему разумѣнію, и на представителяхъ тѣхъ еврейскихъ партійныхъ группировокъ, кои отрицательно относятся ко второму и третьему пунктамъ этой платформы, лежитъ моральная обязанность поддержать предъ внѣшнимъ политическимъ міромъ требованія національно-культурной автономіи и свободы палестинской колонизаціи, какъ исходящія отъ огромнаго большинства еврейскаго народа. Мы допускаемъ возможность внутри еврейства идейной борьбы между представителями различныхъ теченій еврейской мысли относительно направленія и устройства тѣхъ или иныхъ сторонъ еврейской экономической и культурной жизни, но тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о снятіи путъ съ еврейскаго народа въ его стремленіи устроить свою жизнь здѣсь или въ Палестинѣ—всѣ еврейскіе общественные круги должны выступить какъ единое организованное цѣлое отъ имени единой націи.

Противъ требованій правъ національно-культурной автономіи и свободной колонизаціи Палестины представителями ассимиляціоннаго теченія выдвигались главнымъ образомъ соображенія практическаго характера: требованія эти бросаютъ тѣнь на патріотизмъ евреевъ и могутъ нанести ущербъ успѣху ходатайствъ объ эмансипаціи евреевъ. Со стороны правительствъ суверенныхъ народовъ евреямъ будетъ поставлено въ укоръ то, что они не отождествляютъ вполнѣ и безраздѣльно свои національные интересы съ интересами народа, въ средѣ котораго они живутъ. Евреи, молъ, заявляютъ, что у нихъ имѣется національная жизнь, требующая признанія и допущенія особыхъ формъ выявленія въ видѣ ли культурно-національной автономіи или существованія особаго центра въ Палестинѣ.

Соображенія эти справедливы, поскольку они рисуютъ фактическую сторону, существующее положеніе вещей. Евреи дѣйствительно имѣютъ свои національные интересы и никогда не примирятся съ отказомъ отъ своего древняго культурнаго достоянія. Ни въ какомъ противорѣчіи съ выполненіемъ евреями ихъ гражданскихъ и политическихъ обязанностей въ отношеніи государства, въ составъ коего они входятъ, требованія правъ національно-культурнаго самоопредѣленія не сходятся. Современныя государства, населенныя народностями различныхъ племенъ, культуръ и быта, не могутъ построить своей политической системы на полномъ національномъ обезличеніи входящихъ въ ихъ составъ народностей. Время, когда государства строились на однородности своего населенія по языку, вѣроисповѣданію, общественному укладу и т. п. и стремились насильственно нивеллировать разноплеменное населеніе, это время прошло безвозвратно. Современное государство исходитъ изъ начала мирнаго сожительства всѣхъ входящихъ въ его составъ народностей, предоставляя каждой въ области культурной право самоопредѣленія. Говоря конкретно, каждой народности предоставляется устраивать свои школы на материнскомъ языкѣ учащихся, пользоваться въ веденіи своихъ общинныхъ дѣлъ самоуправленіемъ, свободно развивать на своемъ національномъ языкѣ свою литературу, періодическую печать, театръ и проч.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣми этими благами современнаго правоваго государства могутъ пользоваться и евреи, не возбуждая противъ себя какихъ-либо подозрѣній въ ихъ государственной лояльности. Очевидно, возраженія и опасенія представителей ассимиляціоннаго теченія представляютъ собою лишь образчикъ устарѣлой, проникнутой рабской идеологіей голуса аргументаціи. Этотъ страхъ предъ тѣмъ, что подумаютъ „господа“, эти стремленія показать себя предъ власть имущими сверхпатріотами нынѣ ничего, кромѣ улыбки сожалѣнія, вызвать не могутъ.

Еще менѣе реальны возраженія противъ требованія свободной колонизаціи Палестины. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ сіонистская программа была открыто провозглашена предъ европейскимъ міромъ. Съ тѣхъ поръ идея созданія для части еврейскаго народа гарантированнаго международнымъ правомъ автономнаго общежитія въ Палестинѣ привлекаетъ къ себѣ все большее вниманіе и симпатіи со стороны писателей, ученыхъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей Европы. Сіонистская программа дебатируется въ европейской прессѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія возможности осуществленія переселенія евреевъ въ Палестину въ значительныхъ размѣрахъ, съ точки зрѣнія интересовъ той или другой европейской державы или интересовъ мѣстнаго арабскаго населенія, съ точки зрѣнія значенія еврейской колонизаціи для поднятія культуры странъ передней Азіи, для торговаго сообщенія съ Востокомъ и т. д., но никогда никѣмъ изъ еврейскихъ писателей не возбуждался вопросъ о несовмѣстимисти сіонистской программы съ обязанностями евреевъ по отношенію къ странѣ, гражданами которой они состоятъ. Никому изъ политическихъ дѣятелей Европы не могла придти въ голову мысль, будто евреи не вправѣ содѣйствовать устройству той или иной частн своего народа, эмигрирующей въ Палестину, или заниматься начертаніемъ плана колонизаціи евреями Палестины или другой какой-либо территоріи и осуществленіемъ такого плана въ жизни, и будто дѣятельность евреевъ въ этой области набрасываетъ тѣнь на характеръ ихъ отношеній къ государственному и общественному союзу, членами коего они состоятъ. Очевидно опасенія, будто стремленіе создать въ Палестинѣ широкій коло-

низаціонный базисъ для евреевъ, можетъ нанести ущербъ дѣлу ихъ эмансипаціи, лишены объективныхъ основаній и являются лишь порожденіемъ старой рабской психологіи голуснаго еврея.

Итакъ, мы не видимъ реальныхъ препятствій къ объединенію представителей всѣхъ вышеупомянутыхъ еврейскихъ партій на одной общей политической платформѣ, главные пункты которой нами выше приведены. Будемъ надѣяться, что сознаніе великой отвѣтственности, лежащей на еврейскихъ руководящихъ общественныхъ дѣятеляхъ всѣхъ направленій въ переживаемый нами моментъ историческаго перелома, побудитъ ихъ отказаться отъ своей партійной непримиримости и заставитъ ихъ общими усиліями подготовить возможность выступленія на мирной конференціи еврейскаго представительства, какъ выразителя интересовъ единой еврейской націи.

II.

Предположимъ, что связанныя съ переживаемымъ нынѣ міровымъ кризисомъ надежды и ожиданія еврейскаго народа осуществятся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Представительство еврейскаго народа выступитъ предъ мирной конференціей объединеннымъ единой національной волей, и всѣ еврейскія desiderata будутъ полностью удовлетворены. Мало того, предположимъ, что правительства отдѣльныхъ государствъ, на которыя падетъ выполненіе постановленій мирной конференціи bona fide проведутъ эти постановленія въ жизнь, и въ результатѣ великой міровой войны восторжествуетъ принципъ равенства правъ большихъ и малыхъ національностей, принципъ, возвѣщенный во всѣхъ торжественныхъ декларацiяхъ о цѣляхъ настоящей войны,

Итакъ, всѣ современныя государства превращены въ правовыя государства, и евреи вездѣ пользуются полнымъ и политическимъ равноправіемъ; признаны и права національно-культурнаго самоопредѣленія, т. е. право на школу на національномъ языкѣ, на общинное самоуправленіе и т. д.

Измѣнится ли, спрашивали мы, вслѣдъ за эмансипаціей экономическая структура еврейскаго народа, подвергнутся ли существеннымъ перемѣнамъ формы хозяйственной дѣятельности евреевъ?

Слишкомъ полувѣковой опытъ жизни эмансипированныхъ евреевъ Западной Европы свидѣтельствуетъ о томъ, что односторонность экономической структуры евреевъ, какой она была до эмансипаціи, остается и послѣ эмансипаціи. Въ область сельскаго хозяйства, несмотря на формальную свободу, евреямъ фактически доступъ очень затрудненъ, если не закрытъ вовсе. Евреи по прежнему преимущественно сохраняютъ за собою отрасли торговли и ремесла. Значительное расширеніе хозяйственной дѣятельности евреевъ имѣетъ мѣсто лишь въ сферѣ либеральныхъ профессій. Но и эта перемѣна еще болѣе усиливаетъ односторонность экономической структуры евреевъ, вездѣ образующихъ исключительно городской классъ населенія. Послѣдствія этой односторонности начинаютъ очень скоро сказываться. Въ 1880—90 годахъ общественный антисемитизмъ даетъ себя чувствовать евреямъ и въ странахъ еврейской эмансипаціи (Германія, Австрія, Франція).

Можно ли ждать аналогичныхъ явленій и въ восточной Европѣ послѣ эмансипаціи тамъ евреевъ?

Въ области еврейско-польскихъ отношеній у насъ не осталось никакихъ иллюзій. Господствующія польскія политическія партіи не скрываютъ своего девиза въ области еврейской политики въ вырождающемся польскомъ государствѣ. Вытѣсненіе евреевъ изо всѣхъ отраслей экономической и общественной жизни—таковъ партійный лозунгъ польскихъ политиковъ, твердо, послѣдовательно, неуклонно ими проводимый и теперь въ переходное время. Можно себѣ представить, какую силу пріобрѣтаетъ общественное движеніе противъ евреевъ, когда полными господами положенія станутъ современные польскіе дѣятели народовой демократіи.

Медленнѣе, чѣмъ въ Польшѣ, односторонность еврейской экономической структуры неизбѣжно приведетъ и въ Россіи къ тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ острой конкурренціи между участниками торгово-промышленнаго оборота. Попрежнему евреи будутъ сосредоточены въ городахъ и заняты въ немногихъ отрасляхъ торговли, промышленности и либеральныхъ профессій. Возможность появленія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ общественной реакціи, вызываемой односторонней хозяйственной дѣятельностью евреевъ, не исключается

Таковы перспективы, открывающіяся предъ еврействомъ въ области экономической послѣ окончанія войны.

Въ сферѣ общественной и національной перспектива столь же безотрадна.

Отмѣна черты осѣдлости и раскрѣпощеніе евреевъ отъ тяготѣющихъ на нихъ путъ ограниченій неизбѣжно должны повести къ разселенію значительной части еврейскаго населенія черты по обширнымъ пространствамъ Россіи и Сибири. Чѣмъ правовыя условія русской жизни не только по буквѣ закона, но въ практикѣ администраціи, будутъ давать большій просторъ частной самодѣятельности, не различая іудея отъ эллина, тѣмъ разселеніе евреевъ будетъ идти шире и стремительнѣе и будетъ обусловливаться, главнымъ образомъ, законами экономической жизни, требованіями торгово-промышленнаго оборота, отношеніями спроса и предложенія труда, степенью личной предпріимчивости и т. п.

Неизбѣжность, съ отмѣной правовыхъ ограниченій, постепеннаго разселенія евреевъ въ Россіи и распыленія ихъ въ мелкія колоніи иногда оспаривается, при чемъ указывается примѣръ Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ выросъ полутора-милліонный центръ въ Нью-Іоркѣ. Однако, условія образованія еврейскаго центра въ Сѣв. Америкѣ были исключительнаго характера. Эмиграціонный потокъ выбрасывалъ въ Сѣв. Америку въ послѣднюю четверть вѣка ежегодно отъ 50-ти до 150-ти тысячъ евреевъ, за 25 лѣтъ всего около двухъ милліоновъ человѣкъ. Процессъ разселенія, довольно медленный, не могъ послѣдовать за такимъ быстрымъ темпомъ иммиграціи. Затѣмъ нигдѣ ростъ городовъ и сосредоточеніе обширныхъ отраслей индустріи въ городахъ не принималъ и едва ли когда-либо приметъ такіе грандіозные размѣры, какъ въ Сѣв. Америкѣ. Однако, и въ восточныхъ атлантическихъ штатахъ Сѣв. Америки повидимому уже наступилъ предѣлъ насыщенія иммиграціей, и постепенно начнется разселеніе въ далекіе штаты американскаго Запада.

Въ условіяхъ русской экономической жизни возможно возникновеніе нѣсколькихъ болѣе или менѣе значительныхъ еврейскихъ населенныхъ центровъ на Югѣ Россіи, но въ общемъ, при благопріятныхъ правовыхъ условіяхъ, размѣщеніе еврейскаго населенія произойдетъ въ видѣ образова-

нія сотни новыхъ небольшихъ еврейскихъ колоній въ центрѣ, на Востокѣ и Сѣверѣ Россіи и въ Сибири. Въ новыхъ малолюдныхъ еврейскихъ колоніяхъ невозможны организація и поддержаніе многочисленныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, вокругъ которыхъ сосредоточивалась еврейская общественная жизнь черты. Такимъ образомъ въ затерянныхъ на обширныхъ русскихъ пространствахъ еврейскихъ поселкахъ постепенно будетъ вымирать старый еврейскій бытъ. Разговорный еврейскій языкъ будетъ вытѣсняться мѣстнымъ языкомъ; обычаи и традиціи старой черты будутъ забываться. Въ теченіи жизни двухъ—трехъ поколѣній ассимиляціонная волна немного оставитъ слѣдовъ отъ стараго еврейскаго національнаго уклада.

Таковы перспективы въ области экономической и общественной, открывающіяся предъ еврействомъ послѣ эмансипаціи.

Что же дѣлать? Какъ должны реагировать на это грозное будущее руководящіе круги еврейской интелигенціи? Соотвѣтственно тремъ вышеупомянутымъ главнымъ теченіямъ еврейской общественной мысли выявляются три способа разрѣшенія двухтысячелѣтняго трагическаго историческаго узла, называемаго еврейской проблемой.

Представители просвѣтительно-ассимиляціоннаго теченія склоняются предъ роковой и непреоборимой силой закона соціально-экономической эволюціи. Бороться съ нимъ безцѣльно; надо сдѣлать лишь процессъ умиранія еврейской націи безболѣзненнымъ. При условіи отсутствія какихъ-либо элементовъ правового и моральнаго принужденія одно пріобщеніе евреевъ къ европейской культурѣ медленно, но вѣрно сдѣлаетъ свое дѣло. Школа, наука, литература, и искусство, общественная и политическая дѣятельность, смѣшанные браки приведутъ сначала къ вымиранію формъ національной жизни, а затѣмъ къ полному раствореніювеврейства въ окружающей средѣ. Въ Зап. Европѣ, Польшѣ, и Сѣв. Америкѣ и нынѣ имѣются скрытые сторонники полнаго сліянія еврейства съ господствующей націей. Сохраняется лишь въ обезличенной формѣ религіозно обрядовая сторона для той части народа, которая имѣетъ въ томъ потребность. У насъ въ Россіи изъ-за существующаго режима угнетенія евреевъ открытая ассимиляція сдѣлалась

непопулярной въ еврействѣ, но несомнѣнно съ осуществленіемъ равноправія евреевъ въ Россіи ассимиляціонное теченіе выйдетъ наружу и разольется широкимъ потокомъ, какъ это наблюдается за границей. Если во всемъ мірѣ евреи не подвергаются никакимъ, ни гражданскимъ, ни политическимъ правоограниченіямъ и, пріобщившись къ еврейской культурѣ, могутъ свободно строить матеріальную и духовную жизнь, то нѣтъ больше основанія поддерживать устарѣлыя формы еврейскаго національнаго уклада. Какъ были до сихъ поръ германцы, французы, поляки Моисеева закона, такъ отнынѣ явятся русскіе Моисеева вѣроисповѣданія.

Разумѣется, эта концепція представителей ассимиляціоннаго теченія—не рѣшеніе еврейской проблемы, а лишь оправданіе своего ухода отъ еврейства. Какъ бы значительно не возросли слои еврейской интеллигенціи, проникнутые ассимиляціонной идеологіей,—они составятъ весьма малую часть народа, который въ массѣ еще долго останется вѣренъ своимъ вѣковымъ традиціямъ и идеаламъ. Руководителемъ народа будетъ та часть интеллигенціи, которая останется съ нимъ, сердцу которой будутъ дороги духовныя цѣнности, бережно сохраненныя народомъ на протяженіи долгихъ мученическихъ вѣковъ.

III.

Предъ этой истинно народной интеллигенціей раскрываются два пути.

На одномъ пути діаспора, голусъ со всѣми его ненормальными условіями и внутренними противорѣчіями принимается, какъ неизмѣнный базисъ еврейской національной жизни. Еврейство даже въ идеѣ, въ возможности отказывается отъ созданія автономнаго національнаго центра въ нормальныхъ условіяхъ на своей территоріи. Еврейство приспособляется въ діаспорѣ окончательно и безповоротно, приспособляется къ политическимъ и соціальнымъ условіямъ отдѣльныхъ странъ, въ которыхъ оно живетъ, и здѣсь строитъ свою новую національную жизнь. Все, что можетъ мѣшать возведенію новаго еврейскаго зданія, отбрасывается. Вѣковыя традиціи, народныя вѣрованія, языкъ трехтысячелѣтней литературы, сама литература, бывшая вѣрной спутницей народа въ годы и вѣка славы и страданій, подъемовъ и паденій,—все это отметается, какъ помѣха новому

національному строительству. Основой новаго еврейскаго національзма признается одно настоящее: быть, выросшій въ уродливыхъ условіяхъ голоса, и языкъ чужбины, приспособленный народомъ для своего обихода. Этотъ чужеродный языкъ превращается въ національный фетишъ, въ цементъ, который долженъ сцѣплять разсѣянныя части націи. Школа на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, новая художественная и научная литература, театръ, періодическая печать на жаргонѣ—все это должно стать основными подпорками воздвигаемаго новаго національнаго зданія.

Среди идишистовъ не мало дѣятелей, идеалистически настроенныхъ, проникнутыхъ чувствомъ истиннаго народолюбія, но узость ихъ концепціи національзма, въ которой нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, давитъ, какъ могильная плита. По истинѣ загадкой представляется намъ психологія дѣятелей, отстаивающихъ право на національное самоопредѣленіе и при этомъ вычеркивающихъ еврейское культурное достояніе за двадцать вѣковъ, а еврейскую литературу начинающихъ съ Менделе и Переца.

Что же ждетъ этихъ новыхъ націоналистовъ?

Въ то время, когда идишисты будутъ работать надъ созданіемъ разныхъ средствъ сохраненія еврейства, ассимиляціонная волна будетъ дѣлать свое дѣло, будетъ подтачивать основы еврейской народной жизни и уноситъ въ чужую среду одну часть народа за другой. Можно отсрочить процессъ распада еврейскаго національнаго уклада въ діаспорѣ, но совершенно остановить его, оставаясь внутри діаспоры, не выходя за предѣлы ассимиляціонной волны, нельзя.

Трагизмъ идишизма въ томъ, что въ самомъ исходномъ пунктѣ его программы коренится основное заблужденіе.

Заблужденіе идишизма—то же, что и сторонниковъ такъ назыв. теоріи духовнаго національзма. Допускается, что еврейская нація—своеобразная духовная нація—можетъ сохранить свою національную самобытность и развивать и выявлять новыя формы національной жизни, не располагая ни территоріальнымъ, ни экономическимъ, ни соціальнымъ базисомъ, какимъ располагаютъ всѣ нормальныя здоровыя націи. Ненормальныя, уродливыя условія діаспоры возводятся въ норму для еврейскаго народа, и на этой патологи-

ческой основѣ строится будущее еврейское національное зданіе. Сколько безплодно растраченныхъ силъ и дарованій уйдетъ на эту безпочвенную національную работу въ діаспорѣ, сколько горестныхъ разочарованій, разбитыхъ жизней стоятъ на пути этихъ идеалистическихъ попытокъ помириться съ голусомъ и здѣсь, въ странахъ діаспоры возсоздать разсыпанную еврейскую храмину! Это — по истинѣ Сизифова работа!

Второй путь разрѣшенія еврейской національной проблемы проложенъ сіонизмомъ. Путь этотъ соотвѣтствуетъ вѣковымъ надеждамъ и чаяніямъ народа. Сіонизмъ претворилъ эти чаянія въ живое народное дѣло, облекъ эти надежды въ плоть политической организаціи. Еврейская нація можетъ и будетъ спасена не примѣненіемъ духовныхъ средствъ и палліативовъ идишизма, а созданіемъ нормальнаго территоріальнаго базиса въ старой еврейской землѣ. Территорія, автономная соціально-экономическая дѣятельность, эти элементарныя основы бытія всякаго здороваго народнаго организма, должны стать основами жизни и еврейскаго народа.

Никто собственно не оспариваетъ истинности исходнаго положенія сіонизма. Идея еврейскаго возрожденія на старой родинѣ чаруетъ своею красотою и величіемъ и далекихъ отъ еврейскаго горя. Всѣ возраженія противъ сіонистской программы сводятся къ указанію на ея утопичность, недостижимость, но если бы открылась легкая возможность территоріально-автономнаго устройства евреевъ въ Палестинѣ, то десятки тысячъ нынѣшнихъ ассимилированныхъ евреевъ вѣроятно превратились бы въ горячихъ сіонистовъ. Вѣдь при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ у ассимилированнаго еврея остается на душѣ не мало горечи отъ процесса его матеріальнаго и духовнаго приспособленія къ условіямъ жизни въ діаспорѣ. Его достоинство и гордость такъ часто страдаютъ... Да, если бы можно было повѣрить въ скорое осуществленіе сіонистской программы.

Доказать безспорно одними теоритическими выкладками достижимость въ каждый данный моментъ сіонистской программы нельзя. Нѣтъ такого вопроса практической политики, очевидность котораго можно было бы доказать съ точностью математической теоремы. Многое зависитъ отъ

той или другой конъ-юнктуры общеполичических условій, отъ тѣхъ или иныхъ перемѣнъ въ международныхъ отношеніяхъ и въ еще большей степени, разумѣется, отъ энергіи, напряженія воли, которыя способенъ проявить самъ еврейскій народъ при преслѣдованіи намѣченной цѣли. Разительный примѣръ возрождающагося польскаго государства свидѣтельствуетъ о томъ, какъ могутъ мѣняться политическія переспективы. То, что въ теченіе вѣка считалось безнадежной мечтой,—нынѣ получаетъ реальное воплощеніе. Если бы сіонистское движеніе возникло на двадцать пять лѣтъ раньше, и нынѣшній міровой кризисъ засталь бы въ Палестинѣ уже крупный еврейскій колонизаціонный центръ, если бы въ Палестинѣ еврейское населеніе нынѣ исчислялось не въ сто, а въ пятьсотъ—шостьсотъ тысячъ человѣкъ, мы бы стояли теперь, вѣроятно, довольно близко къ сіонистскому рѣшенію еврейской національной проблемы. Никто не скажетъ, что переселеніе 500—600 тысячъ евреевъ въ Палестину было бы невозможно въ теченіи пятидесяти—шестидесяти лѣтней интенсивной національной работы. И въ истекшій краткій тридцатилѣтній періодъ еврейская колонизаціонная работа въ Палестинѣ могла бы развернуться иначе, если бы напряженныя усилія горсти самоотверженныхъ дѣятелей не встрѣтили не только равнодушіе, но противодѣйствіе со стороны вліятельныхъ круговъ интеллигенціи и буржуазіи. Неужели и теперь, въ наши дни историческаго перелома сознаніе отвѣтственности предъ народомъ не пробудется у тѣхъ, кто въ теченіи трехъ десятковъ лѣтъ отворачивался отъ національнаго дѣла въ Палестинѣ?!

Среди возраженій, высказываемыхъ противъ сіонистской программы, наиболѣе часто приходится слышать указаніе на крайнюю медленность иммиграціоннаго и колонизаціоннаго процесса въ Палестинѣ, на его дороговизну и на то, что въ лучшемъ случаѣ въ теченіе ближайшихъ 50—60-ти лѣтъ удастся переселить въ Палестину 1—2 милліона евреевъ, остальные же 15—20 милліоновъ останутся въ діаспорѣ. Такимъ образомъ, сіонизмъ рѣшаетъ еврейскую проблему не для всего народа, а для небольшой его части, предоставляя большую часть еврейства ожидающей его судьбѣ, т. е. раствореніе въ діаспорѣ.

Въ этихъ возраженіяхъ имѣется доля истины. Вѣрно, что полное осуществленіе сіонистскаго идеала разсчитано на десятки лѣтъ, но въ жизни народа, двѣ тысячи лѣтъ сохранившагося вѣрность идеѣ возрожденія на старой еврейской землѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ уже не такой большой срокъ. Послѣ 20-ти долгихъ вѣковъ безмѣрныхъ страданій—нѣсколько десятковъ лѣтъ активной и бодрой работы покажутся краткимъ, счастливымъ мгновеніемъ. Дороговизна палестинской колонизаціи не можетъ насъ устрашить. Эта дороговизна быстро и прогрессивно уменьшается по мѣрѣ расширенія и укрѣпленія еврейскаго хозяйства въ Палестинѣ. Всѣ современные разсчеты и цифровыя выкладки не могутъ дать истиннаго представленія о дѣйствительной стоимости колонизаціи.

Наконецъ, съ мыслью, что не всѣ евреи, живущіе въ странахъ діаспоры, будутъ устроены въ Палестинѣ, сіонизмъ заранѣе мирится. Сіонизмъ никогда не задавался задачей матеріальнаго устройства всѣхъ евреевъ міра. Его лозунгъ былъ—защиты чести и достоинства еврейской націи, какъ цѣлаго, созданіе территоріально-національнаго центра для еврейства а не для евреевъ міра. Но, выступивъ въ защиту еврейства, какъ націи, и предложивъ для этого программу, которая должна быть признана единственнымъ реально возможнымъ и достойнымъ выходомъ изъ трагическаго положенія еврейства въ діаспорѣ, сіонизмъ даетъ національную опору каждому еврею, какъ индивиду, гдѣ бы онъ ни находился отъ береговъ Бѣлаго моря и до оконечности Юной Америки, отъ острововъ Имперіи Восходящаго Солнца и Новой Зеландіи и до степей далекаго американскаго Запада.

Не слѣдуетъ забывать и того, что опредѣленіе численности евреевъ, которые могутъ быть колонизованы въ ближайшіе 50—60 лѣтъ въ Палестинѣ, совершенно гадательно. При этомъ обыкновенно упускается изъ виду и прогрессивно возростающая емкость страны съ расцвѣтомъ въ ней хозяйственной дѣятельности, и неопредѣленность границъ Палестины и возможность расширенія еврейскаго колонизаціоннаго района въ близлежащія и слабо населенныя области Сиріи. Вообще невозможно заранѣе представить какую притягатель-

ную силу для еврейства діаспоры будетъ имѣть автономный еврейскій центръ въ Палестинѣ и какія широкія возможности предъ нимъ раскроются съ того момента, когда въ немъ осадятъ первыхъ два милліона евреевъ. Вотъ почему въ своихъ планахъ активной практической политики сіонисты мирятся съ образованіемъ въ Палестинѣ на первыхъ порахъ колонизаціоннаго базиса въ 2—3 милліона евреевъ. Дальнѣйшее выходитъ за предѣлы политическаго предвидѣнія и должно быть предоставлено естественному теченію историческаго процесса народной жизни. И наконецъ, вопросъ объ отношеніи численности той части еврейскаго народа, которая приметъ непосредственное участіе въ созданіи въ Палестинѣ территоріальнаго центра къ той, что останется въ діаспорѣ, теряетъ свою остроту, если допустить, что большинство еврейской націи въ діаспорѣ косвенно будетъ способствовать насажденію и развитію національнаго дѣла въ Палестинѣ по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ еврейство діаспоры будетъ черпать рабочій колонизаціонный матеріалъ и финансовыя средства или, выражаясь выпуклымъ языкомъ нашего военнаго времени, еврейская діаспора будетъ служить тыломъ, всемѣрно работающимъ на экономическое и общественное завоеваніе Палестины.

Несомнено одно: съ того времени, какъ въ Палестинѣ будетъ созданъ автономный еврейскій національный центръ,— съ еврейства діаспоры будетъ снято проклятіе и позоръ бездомности, ему будетъ возвращено право иа самоуваженіе и на уваженіе другихъ народовъ.

Указывая на разные пути рѣшенія еврейской проблемы, мы не задавались цѣлью убѣдить кого-либо въ превосходствѣ одной партійной программы надъ другою. Мы не питаемъ ни малѣйшей надежды поколебать дѣятелей, забронированныхъ своимъ выработаннымъ цѣлой жизнью политическимъ катехизисомъ. Мы стремились лишь къ выясненію и укрѣпленію мысли, которая не можетъ нынѣ не чувствоваться каждымъ, кто способенъ среди грохота войны услышать голосъ исторіи, сознать рѣшительность близящагося отвѣтственнаго момента. Мы не можемъ найти достаточно сильныхъ словъ, что-бы подчеркнуть необходимость концентраціи всѣхъ общественныхъ силъ, объединенія всѣхъ теченій еврей-

ской мысли на одной общей политической платформѣ. Всякая партійная исключительность, по основному вопросу политическаго выступленія еврейства предъ будущей мирной конференціей были бы неискупаемымъ грѣхомъ предъ нашимъ народомъ. Такого грѣха не возьмутъ, не могутъ взять на себя и представители наиболѣе крайнихъ теченій еврейской мысли. Къ сплоченію, къ дружной работѣ тамъ, гдѣ эта работа жизненно необходима, мы призываемъ нашихъ дѣятелей всѣхъ направленій, всѣхъ, кто чутко относится къ велѣніямъ національнаго долга!

Л. Б. Яффе.

На пути къ будущему.

Свершилось чудо. Въ нѣсколько дней, безъ крови и тяжелыхъ потрясеній, Россія стала свободной. Однимъ толчкомъ легко и радостно сбросила она съ себя кандалы, сковывавшіе ее вѣками. Исполнилось то, о чемъ мечтали лучшіе люди Россіи, своей кровью и муками подготовившіе эти дни. Какъ въ сказкѣ начало осуществляться „все, что мечталось когда-то, что геніи въ пѣснѣ крылатой провидѣли въ темной дали, что въ души какъ сѣвъ западало, чѣмъ души, какъ травы цвѣли".

Съ большой радостью вмѣстѣ съ другими народностями Россіи встрѣчаетъ эти дни русское еврейство. Оно знаетъ, что въ море крови, пропитавшее почву, на которой выросла русская свобода, широкимъ потокомъ влилась и еврейская кровь, что еврейскія жертвы для дѣла освобожденія Россіи были самыя большія, ибо еврейство не только активно боролось за него, но оно больше всѣхъ другихъ жестоко расплачивалось за его неудачи и успѣхи, всегда являлось и пассивнымъ мученикомъ за дѣло революціи. На еврейство отживающая Россія взвалила отвѣтственность за свои неудачи и преступленія, его бросала она въ жертву темнымъ массамъ, отравленнымъ предразсудками и клеветой, на немъ вымещала она злобу въ дни своей побѣды.

Для еврейства эти дни особенно радостны. Народъ, принесшій всему міру идеалы свободы, еще на зарѣ своей жизни праздновавшій праздникъ свободы, народъ, познавшій весь ужасъ порабощенія и гнета, выше всего любитъ и цѣнитъ свободу. Еврейскій народъ всегда на сторонѣ порабощенныхъ и борющихся за свободу. Народъ мечты и духа умѣетъ радоваться, когда разбиваются цѣпи, когда осуществляется мечта, когда торжествуетъ истина.

Среди всѣхъ народностей Россіи, происшедшія событія больше всего затрагиваютъ еврейство.

Пройдутъ немногіе годы и чѣмъ-то безсмысленно-дикимъ, кошмаромъ, порожденнымъ больной фантазіей, будетъ звучать повѣсть о томъ, что переживало въ Россіи еврейство. Цѣлый народъ держали въ тискахъ безправія и позора. Съ разгульной жестокостью, съ утонченнымъ сладострастнымъ мучительствомъ терзали цѣлый народъ, ни на мигъ не давая ему покоя, старались пригнуть его къ землѣ, убить его достоинство, глумились надъ его святынями, надъ его душой. Жизнь еврея превратилась въ безпрерывное мученичество, котораго сынъ другого народа не въ состояніи себѣ даже представить.

Еврей не имѣлъ права двигаться, выбирать себѣ мѣсто жительства, зарабатывать свой хлѣбъ. Для того, чтобы добиться права жить и учиться въ столицахъ, еврейской женщинѣ иногда приходилось запасаться желтымъ билетомъ. Еврейскіе поэты и писатели должны были для этого приписываться лакеями, получать ремесленное или торговое свидѣтельство. Еврей не имѣлъ права лечиться въ русскомъ курортѣ. Еврейскіе отецъ и мать не имѣли права пріѣхать къ умирающему сыну, раненному на войнѣ. Малолѣтнихъ дѣтей безжалостно выселяли, когда умирали ихъ родители, пользовавшіеся правомъ жительства. Еврея лишили простора полей, права на трудъ земледѣльца, евреевъ стискивали въ городахъ, гдѣ они жили скученными голодными массами, вгоняли ихъ въ торговлю, опутанную безконечнымъ рядомъ стѣсняющихъ правилъ.

Старались убить душу еврея; ему, сыну народа книги закрыли путь къ знанію и наукѣ. Жизнь еврея опутали сѣтью позорныхъ правилъ. Его вынуждали съ чувствомъ гадливаго презрѣнія къ своимъ угнетателямъ унижаться, подкупать, обходить законъ, являвшійся насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ, надругательствомъ надъ принципами законности и человѣчности.

Такова была жизнь еврея изо дня въ день, изъ часа въ часъ. Часто бывали періоды, когда на евреевъ направляли бушующую стихію народныхъ массъ и натравливали эти массы на беззащитное еврейство. Устраивались погромы, которые заставляли содрогаться весь міръ, клеймя позоромъ

русскій народъ. Насильники и убійцы, съ ногъ до головы залитые кровью, обвиняли евреевъ въ употребленіи человѣческой крови. Устраивали процессы, которые изолировали Россію въ культурномъ мірѣ. Измѣнники, враги и губители своей родины обвиняли евреевъ въ нелойяльности, провокаторы инсценировали еврейскую измѣну, доносчики и лжесвидѣтели давали показанія. Въ смертельномъ ужасѣ безсильно бился „распятый“ народъ въ тискахъ новаго навѣта. До безконечности увеличился синодикъ разстрѣлянныхъ, повѣшенныхъ, замученныхъ за свое еврейство. Евреевъ цѣлыхъ городовъ и областей срывали съ родныхъ мѣстъ, въ нѣсколько часовъ отрывали отъ очаговъ, созданныхъ трудомъ и кровью долгихъ поколѣній, отъ могилъ предковъ, отъ моленъ и храмовъ, еврейское имущество отдавалось на разграбленіе, еврейскія святыни—на поруганіе. Еврейскій народъ—народъ книги и письменъ былъ лишенъ права и возможности отражать свою жизнь, проявлять свою волю на своемъ языкѣ: росчеркомъ пера была уничтожена вся еврейская пресса. Старались превратить еврейство въ народъ нѣмой, безмолвный, безъязычный.

Нужна была вся духовная стойкость, вся необычайная жестоковыйность народа, закаленнаго тысячелѣтними испытаніями, чтобы не согнуться до земли, чтобы сохранить силу духа, чтобы спасти свое человѣческое и народное достоинство.

Освобожденная Россія въ эти дни очистительной грозы смыла съ себя этотъ позоръ, сбросила съ себя каиново клеймо, угнетавшее ея душу, отягченную виной, придавленную несправедливостью.

Легко и свободно вздохнула въ эти дни и грудь еврея, освобожденная отъ чувства обиды, презрѣнія и озлобленія.

Передъ евреями, свободными гражданами Россіи, встаютъ теперь большія и длительныя задачи. Въ новую Россію еврейство входитъ не только какъ собраніе гражданъ, но и какъ евр. нація, имѣющая наряду съ общегосударствен. и свои особыя національныя стремленія и задачи. Къ этой мысли должна привыкнуть новая Россія. Многимъ ея пред-

ставителямъ она, можетъ быть, на первыхъ порахъ покажется необычайной и неожиданной. Они знаютъ объ еврействѣ отъ тѣхъ, кто рядъ десятилѣтій, самовольно выдавая себя за еврейскихъ представителей, требовали только гражданскаго равноправія. Объ еврейскихъ національныхъ требованіяхъ и стремленіяхъ эти люди молчали, еврейская нація ими отрицалась. Теперь, когда получилъ возможность заговорить еврейскій народъ, опредѣленно и ясно должно быть выставлено требованіе признанія еврейскій націи. признаніе правъ еврейства на соотвѣтственное представительство, признанія правъ своего языка въ школѣ и жизни, права на свою національную школу, на автономную организацію своей внутренней жизни. Предстоитъ работа организаціи русскаго еврейства, устроенія его національной жизни, поскольку это осуществимо въ условіяхъ жизни разсѣяннаго народа.

Но не только эти задачи предстоятъ еврейству. Событія, развернувшіяся передъ нами, не должны и не могутъ заслонить отъ насъ особаго историческаго пути еврейскаго народа, его особыхъ историческихъ цѣлей и задачъ. Больше чѣмъ когда бы то ни было мы черезъ событія настоящаго дня должны устремлять свои взоры къ болѣе далекому будущему, къ грядущимъ судьбамъ еврейскаго народа. Великое освободительное движеніе, которое теперь торжествуетъ, великое для Россіи и для русскаго еврейства—только временный эпизодъ на пути историческихъ судебъ еврейскаго народа.

Еврейское равноправіе и полноправіе въ Россіи, какъ и во всякой другой странѣ, не можетъ дать отвѣта на историческую проблему еврейсова, на проблему народа, разсѣяннаго по всему міру, разрѣзаннаго безчисленными рубежами и вмѣстѣ съ тѣмъ единаго и недѣлимаго, объединеннаго своимъ прошлымъ, своимъ общимъ національномъ языкомъ и культурой, своимъ разсѣяніемъ и страданіемъ, своими историческими задачами и своимъ будущимъ.

Путь еврейскаго народа еще не конченъ. Еврейство еще не сказало своего послѣдняго слова. Въ немъ еще таится неисчерпаемый запасъ духовныхъ силъ, который можетъ увеличить богатство духа человѣчества. Еврейскій народъ долженъ получить возможность, какъ и всякій другой нормальный народъ, въ здоровыхъ и свободныхъ условіяхъ народной жизни продолжать преемственность еврейской куль-

туры, никогда не прекращавшейся, но ослабленной и заглушенной въ скитаніи, чтобы чисто и полнозвучно могъ раздаваться голосъ еврейскаго народа въ хорѣ человѣчества, чтобы еще болѣе значителенъ и великъ былъ его вкладъ въ сокровищницу міровой культуры. Весь ходъ нашей исторической жизни, властное велѣніе народной воли на протяженіи вѣковъ, вся наша дѣйствительность съ неотвратимой силой и ясностью показываютъ намъ, что эта полная и творческая національная жизнь народа возможна только въ его исторической отчизнѣ, съ которой онъ на протяженіи тысячелѣтій не прерывалъ своей связи, въ которой онъ сложился какъ народъ, въ которой возникла и расцвѣла его культура.

Только національный центръ, созданный въ нашей исторической отчизнѣ, можетъ излучать свѣтъ и жизненную силу для всѣхъ разсѣянныхъ частей еврейства, быть регуляторомъ ихъ національной жизни. Только подобный центръ можетъ предохранить еврейство отъ того, чтобы различныя части еврейскаго народа, разбросанныя по различнымъ странамъ, подъ давленіемъ окружающей ихъ культуры и своеобразнаго развитія окружающей ихъ среды, не раздѣлились на «различныя еврейскія націи», не пошли различными путями въ своемъ духовномъ творчествѣ, чтобы распыленная и раздробленная при такихъ условіяхъ еврейская культура не потеряла способности къ развитію, не потеряла въ своей цѣнности и силѣ.

Больше чѣмъ когда бы то ни было должны мы въ эти дни помнить о нашемъ историческомъ идеалѣ и о нашихъ историческихъ задачахъ.

Въ самыя мрачныя времена, когда для многихъ въ нашемъ народѣ замыкалась жизнь, когда для многихъ впереди была только глухая непроницаемая стѣна, мы всегда видѣли впереди просвѣтъ въ другое время, въ свѣтлое будущее. Тѣмъ болѣе не должно быть закрыто отъ насъ будущее въ эти дни, раскрывающіе дали, расширяющіе горизонты. Мечту народа, которую не могли уничтожить вѣка гоненій и страданій, не могутъ смыть и не смоютъ волны радости и свободы.

Теперь только наступилъ настоящій моментъ для борьбы за осуществленіе нашей идеи. Гнетъ безправія до сихъ поръ заслонялъ для многихъ сущность нашей проблемы.

Теперь она откроется во всей своей полнотѣ и глубинѣ.

Теперь, когда не нужно будетъ тратить всю энергію и силу въ борьбѣ за элементарныя человѣческія права, за право жить и дышать, сильнѣе и неутолимѣе, чѣмъ раньше, станетъ голодъ народа по полной національной жизни, которая возможна только при наличности родной страны и національнаго центра.

Теперь при новыхъ свободныхъ условіяхъ станетъ возможна работа для осуществленія нашихъ цѣлей. Свободное, окрѣпшее и организованное русское еврейство найдетъ въ себѣ иныя силы, чѣмъ до сихъ поръ, для борьбы за національное будущее народа.

Входя въ новую жизнь, приступая къ новой работѣ для объединенія и укрѣпленія еврейства въ возрожденной Россіи мы ни на мигъ не забываемъ о нашей конечной цѣли, о нашемъ историческомъ идеалѣ.

Съ большей силой и энергіей, чѣмъ всегда, будемъ мы бороться за народное будущее, за тѣ дни, когда снова заживетъ нашъ народъ, воскресшій, возрожденый въ своей родной странѣ, когда снова, какъ въ далекомъ прошломъ и на томъ же древнемъ и возрожденномъ языкѣ будетъ онъ напоминатъ человѣчеству о свободѣ и братствѣ людей, о тѣхъ завѣтахъ, которые онъ первый возвѣстилъ, побѣда которыхъ осуществляется на нашихъ глазахъ, побѣда которыхъ грядетъ для всѣхъ народовъ міра, для всего человѣчества.

3-го марта 1917 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ: